

НИКОЛАЙ
АСАНОВ

Урал-
Батюшка

Волшебный камень

Урал-батюшка

Николай Асанов

Волшебный камень

«ВЕЧЕ»

1945-1952

Асанов Н. А.

Волшебный камень / Н. А. Асанов — «ВЕЧЕ»,
1945-1952 — (Урал-бабочка)

ISBN 978-5-4484-8124-6

Николай Александрович Асанов родился 15 декабря 1906 года в маленьком селе Бигичи на Северном Урале. Он был старшим из троих детей и, когда в 1915 году отец его погиб на фронте, взял на себя заботу о семье. Став рабкором пермской газеты «Звезда», он знакомится с Аркадием Гайдаром, под чьим влиянием сформировались основные черты прозы Н. Асанова: динамичный сюжет, доскональное знание обстановки, мужественные образы героев, противостоящих враждебным силам природы. В основе романа «Волшебный камень» – трудовой подвиг геологов, которые в лесной глухомани ищут важнейшее стратегическое сырье – алмазы.

ISBN 978-5-4484-8124-6

© Асанов Н. А., 1945-1952

© ВЕЧЕ, 1945-1952

Содержание

Глава первая	5
1	5
2	11
3	14
Глава вторая	24
1	24
2	27
3	32
Глава третья	34
1	34
2	39
Глава четвертая	45
1	45
2	48
3	52
4	56
Глава пятая	61
1	61
2	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Николай Асанов

Волшебный камень

Глава первая

Тогда еще не смели думать, что Россия спасла Европу...
Л. Толстой

1

Еще совсем недавно геолог Сергей Нестеров был воином и командиром. Вместе с армией прошел он трудный путь отступления до Сталинграда.

Трижды был Нестеров ранен в боях, не раз его засыпало землей при взрывах бомб и тяжелых мин, но судьба берегла его, – выручали солдатское счастье и уменье. Всякий раз он возвращался в строй, не испытав долгих блужданий по эвакогоспиталиям, мучительного трепета перед врачебной комиссией, которая вдруг может определить, что ты не пригоден более к важнейшему делу – защите Родины. Вернувшись снова в свою часть, Нестеров любил пошутить, что мать заговорила его от калечества, как и от той пули, что называют солдаты «золотой», потому что она убивает мгновенно...

После года жестоких боев и тяжелых переходов Нестеров по праву считал себя военным человеком и не мыслил иной судьбы, во всяком случае, до победы над врагом. А порою, хотя на войне и не принято загадывать наперед, подумывал и о том, что можно остаться в армии навсегда, тем более что вырос вроде бы из него, если верить старшим по званию и прислушаться к разговорам солдат, совсем неплохой командир...

В мирной жизни Нестеров был неудачником. Все его замыслы неизменно рушились, словно существовала некая злая сила, озабоченная тем, чтобы молодому геологу ничего не удавалось.

Работавшие под началом Нестерова люди перекладывали вину за неудачи на его широкие плечи, а так как в новом деле – Нестеров одним из первых в стране занялся поиском алмазов, самого благородного и драгоценного минерала, занимающего высшее место что в украшениях, что в промышленности! – неудачи повторялись слишком часто, Сергей Нестеров быстро приобрел славу человека чуть ли не «с дурным глазом». А вот подумать о том, почему Нестеров не уходит со своей трудной дороги на проторенную другими тропу, люди как-то не удосуживались...

Так было в мирной жизни.

На войне Нестерова окружал могучий, сплоченный коллектив. Находившиеся в подчинении капитана Нестерова сотни людей самозабвенно доверяли ему, и он, чувствуя это, становился смелее, руководил ими увереннее. Его батальон прошел через все испытания так стойко, что уже одно это характеризовало молодого офицера отличным командиром, а его солдат – как испытанных бойцов. Они, и отступая, ежечасно ждали того рубежа, на котором армия остановится, чтобы, накопив силы, обрушиться на врага и уничтожить его. И вера эта даже в отступлении не рассеивалась, наоборот, накапливалась в сердцах, как накапливается гнев.

Так они дошли до Сталинграда и здесь наконец услышали тот приказ, которого ждали столько месяцев: ни шагу назад! Этот приказ мог быть отдан только в предвидении другого, будущего приказа: вперед! И как бы он ни был еще далек, тот день, когда прозвучит это «впе-

ред», как бы ни был тяжел путь к этому дню – и Нестеров, и его солдаты, и тысячи других солдат и офицеров армии, остановившейся под Сталинградом, знали, что этот день настанет!

А пока они сражались, выполняя первый приказ. И хотя это сражение было самым жестоким из всех, в каких они побывали, все чувствовали, что оно само по себе победа. И от этого было легче и умирать и ждать.

Батальон Нестерова занимал рыбацкую слободку, точнее сказать, все, что осталось от нее, – развалины печей, погреба, огороды.

Левее слободки немцы уже вышли к Волге, разрубив надвое дивизию. Справа соседи Нестерова удерживали здание завода, а дальше начинался пригород, там трудно было определить линию фронта, потому что она проходила порою между первым и вторым этажами дома, очерчивалась дверью комнаты, и сквозь эту дверь с визгом проскакивали пули.

Когда Нестеров вспомнил впоследствии свой последний военный день, он удивился тому, что ярче всего запомнились ему краски и цвета, а не линии и очертания домов, превращенных упорством советского солдата в неприступные крепости. В памяти остались сизые и дымные полосы на воде – огромная горящая река.

Горела нефть, вырвавшаяся из разбомбленных хранилищ. Она текла по реке, окутывая огнем и дымом весь горизонт, и чем ближе к вечеру, тем багровей и пламенней становилась вода. А по всему берегу взлетали короткие черные фонтаны. Это поднимался к небу и тяжело опускался взорванный чернозем бахчей и огородов, и в воздухе ходили смерчевые столбы пыли. Земля была высушена солнцем и от долгого артиллерийского обстрела стала летучей.

Неожиданно Нестерова вызвали в штаб армии. Штаб размещался в центре города, но все приречные улицы уже простреливались, пробираться приходилось кружным путем, под откосами берега. Нестеров торопливо шел вслед за ординарцем штаба и размышлял о том, зачем он понадобился в такой напряженный момент. Чаще всего его вызывали в штаб полка, иногда в штаб дивизии, но в штабе армии он бывал редко – или в дни вручения наград, или на больших совещаниях. Но созывать совещание в такое время было сложно и опасно, а награждать? – награждать его сейчас еще не за что. И он решил, что его ожидает какая-то неприятность.

Наконец они достигли развалин какого-то магазина, в подвале его и размещался штаб. Ординарец, показав пропуск часовому, ввел Нестерова в довольно обширную приемную, хорошо освещенную от движка, работавшего за стеной, доложил о прибывшем адъютанту и скрылся. Нестеров остался среди группы офицеров, так же как и он, недоумевающих, по какому поводу они вызваны. В подвале, хотя он и был вычищен и прибран, пахло густо и устойчиво несвежей рыбой.

Вскоре его вызвали и проводили в дальний отсек подвала, защищенный массивной стеной, выложенной между колоннами, которые держали уже не здание, а его развалины.

То, что Нестерова вызвали первым и он не знал зачем, и то, что все это время он думал о своем батальоне, на который, возможно, в этот самый миг насаждают немцы, а заместителем там остался молодой еще офицер, – мало способствовало его спокойствию. Войдя в отсек, он даже не разглядел как следует того, кто его вызвал.

– Капитан Нестеров. Прибыл по вашему приказанию! – отрапортовал он, останавливаясь у дверей.

– Пройдите сюда и садитесь, – произнес негромко сидевший за столом человек, выделяя неударные «о», что сразу напомнило Нестерovu его далекую родину – Северный Урал.

Подчиняясь этому мягкому, но властному голосу, чуть даже вытянув шею, чтобы получше разглядеть человека, напомнившего ему о родных местах, Нестеров прошел в глубь отсека.

На три ступеньки пониже входа, в нише, за небольшим столом сидел генерал. Рядом с ним стоял сумрачный полковник из штаба армии, ведавший кадрами, к которому не раз являлся

Нестеров, возвратившись из госпиталя. Полковник был чем-то недоволен, тогда как генерал смотрел на Нестерова откровенно любопытным взглядом.

– Генерал Бушуев, из штаба фронта, – сухо сказал полковник.

Человек этот, несмотря на свой новый генеральский мундир, казался штатским. Было непонятно, как он может участвовать в этом напряженном потоке событий. Он сидел на низеньком стульчике, очевидно детском, в неловкой позе, согнувшись настолько, что голова его была почти на уровне стола. Лицо у генерала было усталое и помятое. Склоненная набок голова, выставленный вперед указательный палец, словно он все время что-то подчеркивал или диктовал какие-то выводы и постулаты, мягкий, спокойный голос – все заставляло предполагать в нем человека ученого, кабинетного, лишь по недоразумению оказавшегося здесь, да еще в звании генерала. Только глаза его, защищенные очень большими и толстыми стеклами очков, казались необыкновенно строгими и проницательными. Нестеров все старался припомнить, где он слышал фамилию Бушуева.

– Вы что, уралец? – спросил генерал, еще дальше выставляя указательный палец, словно намереваясь не то ткнуть Нестерова в грудь, не то подчеркнуть особую, важность этого вопроса.

– Да, товарищ генерал, с верховьев Резвой, – ответил Нестеров и тут же вспомнил последнюю прочитанную в военном училище книгу: М.М. Бушуев «Танк и пушка».

Книга эта понравилась ему ясностью мысли и изложения. Бушуев выступал в ней против теории немецкого генерала Гудериана о «молниеносной войне» при помощи танков. Бушуев противопоставлял теории «танковых клиньев» Гудериана современные возможности глубоко эшелонированной артиллерийской обороны и все возрастающую мощь противотанкового вооружения. И Нестеров понял: Бушуев – ученый, профессор, и если он прибыл сюда, значит, что-то меняется не только на фронте, но и в тылу.

Между тем Бушуев встал – голова его едва достигала плеча Нестерова – и прочувствованно сказал:

– Земляки!

Взглянув повеселевшими глазами на полковника, все так же строго и неприступно стоявшего рядом, он весело добавил:

– И где только не встретишь земляка! Однажды даже на Елисейских Полях в Париже встретил уральца, поговору узнал. Тоже охотником был, а стал торгпредом.

Полковник ничего не ответил, только губы его неодобрительно сомкнулись, словно он хотел выразить удивление по поводу неуместного восторга генерала, а Нестеров, возбужденный этим родным говором, невольно напряг память: а не знал ли он Бушуева еще в те давние годы, когда сам был всего-навсего охотником, лесорубом, «старался по золотишку»? Припоминал – и не мог припомнить.

– Кем вы были до войны, капитан? – сразу меняя тон и становясь сухо-деловитым, спросил Бушуев.

– Геологом, – невольно настораживаясь, ответил Нестеров.

– И какая у вас поисковая специальность? – полюбопытствовал генерал, и глаза его за круглыми очками заблестели.

Нестеров смутился, как всегда смущался, когда посторонние люди, случайно узнав, что перед ними геолог, вдруг проникались к нему неожиданным интересом и начинали задавать всякие несуразные вопросы о романтике профессии, о специфике работы, о приключениях. Чаще всего этих случайных вопрошателей интересовало как раз то, что в хорошо организованных экспедициях почти не случается: ночевки в лесу без палаток, болезни, голодовки, когда из-за плохой работы какого-нибудь снабженца вся экспедиция неделями кормится «с ружья».

Но генерал нетерпеливо ждал. Он даже поторопил Нестерова, воскликнув:

– Ну, ну!

Нестеров коротко ответил:

– Я – алмазник.

Сказав это, он невольно отвел глаза в сторону и принялся разглядывать схему расположения войск противника, висевшую над столом, которую и так знал наизусть. Всякий раз, как заходила речь о его специальности, он чувствовал себя неловко оттого, что необыкновенная его профессия обычно вызывала удивление. Во всей стране алмазников насчитывалось едва ли десятка два, а добычи алмазов и вовсе не было. Больше того, многие геологи считали, что алмазов в Советском Союзе и быть не может, во всяком случае – в промышленном значении.

– Вы искали алмазы? – вдруг переспросил генерал. – Почему же вы на фронте?

– Теперь все на войне.

– Жаль, жаль, что вас мобилизовали! – протянул Бушуев. – Что весь народ воюет, это верно. Но вам надо было искать и найти, – произнес он, подчеркивая каждое слово. – Солдат у нас вполне достаточно, а вот геологов, да еще алмазников, раз-два и обчелся.

– Простите, товарищ генерал, но вы тоже воюете, хотя мне известно, что вы – ученый. Значит, и вы отложили ваши работы и вернетесь к ним только после войны? А они, наверно, куда важнее моей. – Этой маленькой лестью он пытался исправить неловкость вопроса.

– Я не геолог, – спокойно ответил Бушуев. – Я артиллерист. Вся моя ученость, – он подчеркнул это слово, – связана с защитой Родины. Вот остановим немцев, я испробую свои пушки и поеду создавать новые. А геологов нам не хватает. И именно алмазников. Вы же лучше, чем я, знаете, как важен для нас сейчас этот стратегический минерал! Как же вы могли бросить все в такое ответственное время и уйти! Небось попросили сами снять вас с брони? – подозрительно вскинул он глаза на капитана.

Нестеров смущенно склонил голову.

– Так вот, капитан Нестеров, – вдруг медленно и отдельно сказал генерал, – с сегодняшнего дня вы отчисляетесь из армии и направляетесь в распоряжение Геологического комитета...

– Я... – Нестеров не успел досказать.

Генерал еще более жестким голосом продолжал:

– Сегодня к восемнадцати часам вы сдадите ваш батальон заместителю и явитесь к девятнадцати сюда. Переправа на ту сторону назначена в двадцать ноль-ноль, как только стемнеет.

Лицо Нестерова помрачнело, он стоял в таком напряжении, что казалось, едва ли ему удастся сделать хоть одно движение. Генерал внимательно посмотрел на него.

– Поймите, это не мой приказ. Это приказ Главной ставки. Значит, этого требует дело войны...

– Как я объясню это своим солдатам? – совсем не по-уставному спросил Нестеров. – Ведь я прошел с ними почти от самой границы! Если бы еще после наступления...

– А они не глупее нас с вами, – ответил генерал. – Вы видели в приемной офицеров? Все это боевые командиры. Однако именно сейчас их отзывают из армии – одних в академию, других, как и вас, на производство. Разве это не говорит о нашей силе?

– Заместитель у меня молодой офицер... Совсем еще мальчик.

– В войне молодые всегда на первой линии фронта. И многие становятся толковыми воинами после первого же боя. А у него, как я понимаю, был хороший учитель. – И, прерывая неловкий протестующий жест Нестерова, коротко приказал: – Идите! И желаю вам хороших находок.

Приказ как бы подтолкнул Сергея. Он откозырял, повернулся и вышел, четко печатая шаг. Генерал смотрел ему вслед и, когда Нестеров скрылся за дверью, одобрительно сказал:

– Молодец!

– А вы и отбираете у нас самых лучших! – продолжая спор с генералом, сказал полковник и снова посмотрел на него с явным неодобрением.

– Ну, плохие и в тылу не нужны! – равнодушно заметил генерал и попросил: – Вызывайте следующего. А за то, что сумели среди боев воспитать хороших командиров, спасибо...

Нестеров был в таком состоянии, что, когда к нему бросились сослуживцы, чтобы узнать, зачем его вызывали, смог только вымолвить:

– Отчислили!

– Прощтрафился? – спросил командир роты разведки, черный, угрюмый, похожий на цыгана капитан.

– Так же как и ты, – ответил Нестеров капитану-разведчику и пошел к выходу. Но часовой не выпустил его из блиндажа. Немцы вели артиллерийский налет по территории штаба. Сергей стоял у чуть приоткрытой двери и смотрел, как рушились, поднимая тучи пыли, давно уже израненные снарядами развалины домов, как посверкивал в этой темной пыли огонь разрывов.

Через несколько минут к нему присоединился капитан-разводчик. Увидев Нестерова, он хлопнул его по плечу и радостно прокричал:

– В академию еду! Слышал?

Сергей удивленно взглянул на капитана, подумав: «Разве он не понимает, что уже не увидит этого великого сражения, не примет участия в нем?» – и сам ответил себе: «Да, конец войны еще не виден!»

Огонь почти прекратился, и Нестеров, легонько отстранив часового, вышел из блиндажа.

Прошло всего лишь с полчаса, как Нестеров пришел в штаб, но за это время многое изменилось. Бой перекачивался направо, в ту сторону, где из последних сил отбивался батальон Нестерова. Там слышались частые автоматные очереди атакующих немцев. Очереди эти легко было отличить по особой сухости и трескотне от более отчетливых и громких выстрелов русских автоматов. В то же время по всему горизонту усиливалась канонада гитлеровской артиллерии. Противник вводил в бой новые резервы.

Нестеров бежал широкими прыжками по тому самому пути, которым недавно шел в штаб. Он отмечал все мельчайшие изменения, происходившие вокруг. Словно бы отвечая артиллерийской канонаде, вдруг громыхнул раскатистый и слышимый с необыкновенной отчетливостью гром. Все вокруг потемнело – небо затянулось тяжелыми тучами. Казалось, что грозовые облака, много дней скапливавшиеся где-то далеко от города, вдруг, привлеченные несмолкаемой канонадой и страшными, частыми колебаниями воздуха, двинулись сюда, чтобы вступить в соревнование с громами и молниями орудийных залпов на этом маленьком кусочке земли.

Воздух над городом как бы погустел, стал фиолетовым, а по горизонту желтым – то ли от электричества, то ли от озона, но никак уж не от чада и праха, поднятых силой боя. Пыль сражения сразу прижало к земле. Дышать стало легче, хотя воздух как будто уплотнился. И упали первые капли дождя.

А то, что происходило в душе, объяснить и понять было куда труднее. Просто Нестеров, еще и не сознавая, отчего это происходит, вдруг почувствовал, что близок окончательный перелом войны. Но если бы его спросили, на чем зиждется его уверенность, он не смог бы ответить.

Он никогда не сомневался в том, что рано или поздно Россия победит. Если говорить о том бое, в котором участвовал сейчас его батальон, то он знал: солдаты его скорее лягут костями на огородах рыбацкой слободки, чем отступят. И более того, немцам их не убить, они научились воевать, ну, а уж живые-то, они отступать не станут.

Однако и не с этим ощущением бессмертия своего батальона связана была его новая уверенность. И он понял, что скорее всего причиной такой веры было появление Бушуева в штабе армии, то задание, которое поручил генералу штаб фронта, а может быть, сама Верховная ставка.

Это означало, что пришло наконец время, когда не только тыл помогает фронту, но и фронт может помочь тылу! Когда вся страна остановилась в своем попятном движении, оперлась и сжалась, как пружина, и теперь вся она нацелилась вперед. И вот пришло время, когда не только поступают пополнения из тыла, но и с фронта уходят в тыл опытные инженеры, работники, уходят офицеры в академии Генерального штаба, чтобы подготовиться к боям на победу. И хотя Нестеров не мог смириться с тем, что новое касается и его лично, – он понимал: как ни незначительны на первый взгляд эти признаки, но они начинают новое время в этой войне.

И все-таки ему казалось немыслимым оставить своих солдат на молодого, неопытного заместителя. Ведь, может быть, в этот именно миг и решается сама судьба сражения. И Нестеров, добравшись до своего батальона, принял руководство боем.

И то, что он продумал для себя: будущая победа не в обороне, а в наступлении, в контратаке, – он попытался применить в этом бою. Из блиндажа, откуда он наблюдал ход боя и управлял им, он увидел, как поднялись его люди в рукопашную схватку, увидел бегущих вспять гитлеровцев...

Немцы, поняв, что их атака захлебнулась, открыли артиллерийский огонь, чтобы сорвать контратаку русских и остановить их продвижение. Первым крупным снарядом был разбит блиндаж, из которого Нестеров руководил боем. Нестеров еще успел подумать, что так и не выполнил приказ генерала, затем наступила страшная тишина, ничем не отличающаяся от того покоя, который люди называют смертью...

Вечером Бушуеву доложили, что Нестеров не явился за документами.

– Упрямство, за которое придется его наказать! – проворчал полковник. Хотя он и сожалел, что из частей отзывают боевых офицеров, но неподчинение приказу оставалось для него тяжелым грехом.

– Скорее упорство! – заметил Бушуев. – И вряд ли вам придется наказывать его. Боюсь, что он не вернулся из атаки. А жаль... пропал нужный геолог.

– Командиром он был бы нужнее, – возразил полковник.

– А вот это уже упрямство, – сухо заметил генерал, и полковник замолчал, так и не поняв, по каким признакам отличает Бушуев упрямство от упорства.

2

Очнулся Нестеров уже в госпитале на левом берегу Волги. Его испугала не боль, не повязки через все лицо и голову. Испугала тишина. Тишина была невыносимая, и Нестеров спросил соседей: «Бой кончился?» – и не услышал своего голоса.

Прежде чем Нестеров осознал, что с ним, подошла сестра, но и ее голоса он не услышал. Тогда Нестеров понял все: он еще и контужен, и страх, что он оглох надолго и не узнает ничего о Сталинграде, овладел им. Он все еще жил ощущением боя, совершенно не представляя, сколько времени прошло с того злополучного мгновения, когда его окутали темнота и тишина. Первый вопрос, который он написал на маленьком блокноте, поданном ему сестрой, был о Сталинграде. Город боролся и жил.

Всю свою нервную энергию Нестеров употребил на то, чтобы вновь обрести слух. Он думал только об одном – о слухе. С покорностью ребенка подчинялся он всем предписаниям врача, касающимся восстановления слуха. Нестеров вычитал когда-то, что большинство болезней может быть излечено внушением. Он знал также, что его глухота – следствие контузии, отразившейся на всей нервной системе. Со страстью одержимого попытался он своей волей излечить себя. И слух вернулся, когда он еще находился в пересыльном госпитале под Сталинградом.

Он проснулся утром и сначала не понял, что случилось. Внешние шумы настойчиво стремились ворваться в сознание. Они словно процарапывали ходы в усталом мозгу. Первое, что дошло до сознания, был отдаленный шум, похожий на дальний рокот прибора. Словно Нестеров был на побережье и прислушивался к медленному и важному говору моря.

Нестеров не закричал, не вскочил – он только вытянулся на койке так, что ноги уперлись в железные планки кровати и прогнули их.

Затаив дыхание, он слушал этот шум, доносившийся сюда за двадцать километров от города. Было так, словно товарищи разговаривали с ним, утешали его и успокаивали: ничего плохого не случилось, пока он лечился, но, конечно, надо поскорей вернуться, дело не ждет, он нужен там, откуда они говорили с ним...

В один из особо тяжелых дней, когда прибыло множество раненых, Нестерова эвакуировали в тыл.

Приказ генерала Бушуева больше не действовал, да и кто бы отыскал Нестерова в его странствии по госпиталям, и капитан стал надеяться, что он еще вернется в свой батальон. Но в подмосковном госпитале он понял, что это ему не удастся.

– Слишком много железа приняли внутрь, молодой человек, – пошутил главный врач, заканчивая осмотр.

Врач был веселый человек, он шутил, несмотря на то что день и ночь оперировал бойцов.

Нестеров понимал, что этим врач спасает себя от усталости и горя. И он прощал многое, что говорил этот как будто безжалостный человек другим командирам и солдатам, но, услышав свой приговор, дрогнул и сжал кулаки. Доктор заметил это и сказал устало и грустно:

– Ну что вы волнуетесь, Сергей Николаевич? Руки и ноги у вас целы, голова на плечах, сшили вас как полагается, а вы все недовольны. Посмотрите-ка на инвалидов восьмой палаты, вот кому надо грустить, а они у себя школу открыли, к долгой, а главное – к плодотворной жизни готовятся. Ей-богу, голубчик, вам волноваться нечего.

– Я хочу на фронт, – глухо сказал Нестеров.

– Ну что вы, голубчик, Гитлера и без вас добьют. Смотрите, остановили же его, подлеца.

– Я сам, своими руками... – начал и не закончил Нестеров, выбросив на стол стиснутые кулаки.

– И это возможно, – радушно сказал доктор и указал рукой за окно, словно предлагал весь мир, что лежал за стенами госпиталя. – Вы кем были до войны?

– Геологом.

– Вот и возвращайтесь к своей работе поскорей. Отправляйтесь в экспедицию, разыщите какой-нибудь молибден или вольфрам и еще не одного фашиста убьете. А простор-то какой! Ей-богу, кончится война, уеду я в лес, построю избушку и займусь охотой!

Он сказал это с таким вкусом, словно и в самом деле годами мечтал о такой вот простой жизни. Но Нестеров знал, что так же утешал главный врач десятки людей, которые уходили из его госпиталя в жизнь, оставляя здесь иной раз не только тот излишек железа, что приняли в свой организм, но и руку или ногу.

Значит, все складывается так, что ему предстоит выполнить приказ генерала. И хотя он все еще не мог помыслить о том, что ему нет места в армии, где-то в душе уже теснились мысли о будущем. Это будущее было малоутешительным, но в нем, как отдаленная молния, иногда просверкивала надежда. А вдруг ему еще удастся свести счеты с фашистами.

Однако как это трудно – перестраивать все свои мысли, чувства, силы и желания на иной лад! И никто не поможет ему!

Единственной радостью в эти дни были Варины письма.

Нежные и милые, они были полны тревог за него, – она догадывалась, что он ранен тяжело, но не было в них того тягостного вопроса, которого боятся все лежащие в госпиталях: а не стал ли ты инвалидом? Нестеров не однажды видел, как тяжело переживали раненые звучащую в иных письмах боязнь чужого калечества. Но и в последнем Варином письме, полученном, уже перед самым отъездом, звучало то же самое желание увидеться поскорее... Варя даже настаивала, чтобы он вызвал ее к себе, – хотела сама ухаживать за ним. И, верная своему обыкновению, посылала последнюю фотографию.

Хорошо, что она не задавала никаких вопросов, будто и не представляла его себе искалеченным, но вдвое лучше, что ему и не надо преуменьшать свои увечья. Судьба милостива к нему. «Сшили» Нестерова на славу, шрамы на голове затянулись, и рана в правом боку как будто перестает напоминать о себе.

Сергей стоял в вестибюле госпиталя и ожидал, когда сестра-хозяйка выдаст ему ордена и документы, а сам потихоньку перечитывал письмо. Этим он мог заниматься бесконечно, время текло тогда незаметно, и он переставал видеть суету и ненужный беспорядок вокруг. Правда, в письме были и жалобы: Варя писала, что экспедиция работает плохо. Палехов разогнал людей, рвется в Москву...

Он вспомнил, что и Саламатов в последнем своем письме, догнавшем Сергея уже в госпитале, писал о том же. Он тоже был недоволен Палеховым, заменившим Нестерова на посту начальника экспедиции, писал, что дела экспедиции плохи, нужен там острый глаз и смелая рука. Палехов и молодой геолог Суслов работают без сердца. Суслову еще бы учиться да учиться, а он уже чувствует себя начальником и знать никого не желает. Да и Варвара Михайловна Меньшикова мучается без Сергея, скучает, а какая же работа со скукой в сердце? И Нестеров понял, что Саламатов всеми силами старается вернуть его в Красногорск...

Что ж, старый друг, секретарь Красногорского райкома партии, знал, как растревожить Нестерова. Вместе с его письмом пришли и воспоминания, шагнули с глинистых красных берегов Резвой, с каменных порогов Вышьюры и Нима и обступили Нестерова. Долги надо платить. Он там родился и вырос, а что успел он сделать для родного края? Настоящий человек, не перекаати-поле, мотаться клубком под случайными ударами ветра не станет. Вот только приобвыкнет Нестеров немного к штатской своей жизни, а там взвалит на плечи груз, какой потяжелее, и снова в путь-дорогу...

Сестра-хозяйка вызвала его, и он ясно понял, что вот закончилась одна часть его жизни и сейчас начнется другая. И от сознания этого стало трудно дышать, а сердце будто упало. А ведь он только что казался себе сильным и смелым...

3

В Москве никто его не ждал, но малоуютная комната в общежитии геологов сохранилась в неприкосновенности. Да и вся Москва на первый взгляд изменилась мало, только стала малолюднее, строже и темнее.

И вот он идет по Москве в непривычном штатском костюме, которого не надевал полтора года, а рука его, едва он видит встречного военного, автоматически тянется отдать уставное приветствие. Ловя себя на этом, Нестеров сердито засовывал руки в карман и с горечью смотрел вслед проходившим. Ему хотелось идти рядом с кем-нибудь из них, перебрасываясь многозначительными фразами: «А под Касторной, помнишь?..», «А где сейчас наш полковник?» – и вспоминать, вспоминать, что и ты делал историю, и ты стоял на пороге смерти, и на тебя дул ветер оттуда, откуда никто не возвращается.

И Нестеров вдруг терял свою военную выправку, – не пристало штатскому так высоко держать голову. Ему не хватало той особенной дружбы, которая приходит только в боевой обстановке.

Теперешние его товарищи по несчастью, так же как и он, ожидавшие, когда в штабе оформят документы, были злы, неразговорчивы, они испытывали те же горькие чувства, что и сам Нестеров: многие увольнялись в запас навеки, не всем пофартило – у кого не было руки, у кого ноги. А друзья геологи либо разъехались по фронтам, либо кочевали в дальних экспедициях: война, как несytое чудовище, требовала еды.

Один раз Сергей навестил отца Вари. Тот только что вернулся в Москву из эвакуации и теперь работал в научно-исследовательском институте над проблемой замены цветных металлов, преподавал на каких-то курсах конструкторов, консультировал на нескольких заводах. Жил один, без привычного покоя и уюта. Этот тоскливый, сухой человек ворчал весь вечер: только Варя умела все делать для него вовремя и хорошо. А теперь ее нет. И зачем это Нестерову понадобилось уводить ее в экспедицию как раз перед самой войной? Теперь ее никак не выцарапаешь! Велико ли, на самом деле, счастье – бродить всю жизнь по кочевьям да приискам! Можно было бы найти работу и получше, он сам, ее отец, не отказался бы при случае помочь ей...

Выслушав все эти горькие сетования старика и не найдя слов утешения, Нестеров попрощался и ушел, чувствуя, что ему и самому в его новой штатской жизни не меньше нужны помощь и дружеский совет.

На следующий день, получив все необходимые документы об увольнении в отпуск, Нестеров зашел в Геологический комитет, чтобы попросить путевку на Урал. Так он выполнит приказ, хотя и с опозданием. А потом судьба, может быть, смилостивится над ним, и он снова вернется к военной службе. Зачем же связывать себя какими-то новыми обязательствами, которые неизбежно возникнут, если он попадет к новым людям, в чужие места? А в Красногорске он уже бывал, там живет Варя, там его ждут.

Начальник отдела кадров, к которому обратился Нестеров, вдруг обрадованно воскликнул:

– Сергей Николаевич, вы же алмазник!

– Был, – коротко ответил Нестеров.

– Вас-то нам и надо! – все так же шумно и радостно продолжал он. – Пойдемте скорее к главному геологу. Вот уж истинно: «На ловца и зверь бежит!»

Ничего не объясняя, он повлек Нестерова по длинному полутемному коридору. Уже смеркалось, окна были зашторены, но лампочки светили вполне накала – город берег электроэнергию. Из приоткрытых дверей кабинета слышались возбужденные голоса. Там шел спор. Кто-то проговорил глухо, но раздраженно:

– Я читал все отчеты экспедиции Нестерова и вполне доверяю им. – Голос показался Нестерову знакомым.

Нестеров невольно задержался у двери, пытаясь определить, кто это говорит. Кто-то другой сдержанно ответил:

– Да, но поиски продолжались и после ухода Нестерова. Прошло уже больше года, однако они ничего не дали.

Спутник Нестерова громко закашлял и, открывая широко дверь, воскликнул:

– Вы знаете, кто объявился?! Нестеров! – и подтолкнул Сергея вперед.

В комнате было полутемно. Нестеров не сразу разглядел присутствующих. Он заметил только, что большинство – военные.

Начальник отдела кадров обратился к одному из них, представляя Нестерова:

– Сергей Николаевич до войны работал на поисках алмазов. Его старая экспедиция как раз заканчивает работу в Красногорске и скоро должна перебазироваться на восток.

– Как это «перебазироваться»? – спросил Нестеров.

– Район не оправдал ожиданий, – вступил в разговор главный геолог, давнишний противник Нестерова. – Придется все внимание обратить на Саяны. Часть людей мы отзываем, а алмазники будут исследовать другие места.

– Я не согласен, – возразил Нестеров.

У него было такое чувство, будто он никогда и не прерывал поиски. Вся эта атмосфера возбужденного спора, в который он так неожиданно вступил, была для него лишь продолжением чего-то давнишнего, когда вот так же грозowymi тучами наплывали со всех сторон непонятные препятствия, ложные умозаключения, туманные предположения, сквозь которые надо было прорваться.

– Следовательно, вы уверены, что в Красногорске есть алмазы? – спросил тот же знакомый глухой голос. Но лицо говорившего, затененное абажуром настольной лампы, еще не открылось Нестерову.

– Из Артиллерийского управления, – почтительным шепотом пояснил начальник отдела кадров, склоняясь к Нестерову. – Генерал Бушуев. Прикреплен к нам для координации действий.

– Здравствуйте, товарищ генерал! – обрадованно воскликнул Нестеров.

Бушуев легко встал с кресла и пошел к Нестерову.

– Вот мы и встретились! – воскликнул он. – Долго же мы вас ждали!

Нестерову показалось, что шум битвы вдруг долетел до этой уютной комнаты, – все лица и предметы, находившиеся в ней, отделились, показались на мгновение призрачными. Над всем властвовало воспоминание. Нестеров выпрямился и срывающимся голосом произнес:

– Прошу прощения, товарищ генерал, не мог тогда явиться по вашему вызову...

– Знаю, знаю, – ворчливо ответил Бушуев. – Я искал вас на следующий день, чтобы задать жару, да было уже поздно. Но хорошо, что вы хоть теперь смогли явиться!

Стало трудно дышать, и Нестеров ничего не ответил. Бушуев отступил на шаг, оглядывая его, примечая на лице ту особую бледность, которая появляется от долгого пребывания в госпитале.

– Как ваше здоровье, Нестеров?

– В годичном отпуску после ранения, – совсем уже по-штатски, даже безвольно махнул рукой Нестеров.

– Да вы, кажется, загрустили? – усмехнулся Бушуев. – А между тем приказ вы еще не выполнили.

– Жалкая у меня участь: товарищи воюют, а я должен копать в шурфах, сидеть за рентгеном. Но ведь я здоров! – с чувством сказал он. – Многих и после более тяжелых ранений взяли на фронт, а меня... – Голос его погас.

– Да как вы смеете жаловаться? – возмущенно перебил Бушуев. – Вам вернули здоровье, хотят поручить ответственное дело, а вы, вместо того чтобы действовать, жалеете себя, да еще и других пытаетесь заставить вас пожалеть, чтобы на душе было помуторнее. Как же можно после всего этого поручать вам какую-нибудь важную работу? А вдруг вы ее утопите в ваших жалобах и сожалениях?

Каждым словом он бил Нестерова, слова нарочно подбирал все более резкие и обидные.

– А вы знаете, о чем здесь шла речь? Не знаете? Речь шла о том, что нужен волевой, энергичный геолог, что таким мог бы стать Нестеров, который когда-то искал алмазы в Красногорском районе, что этот геолог должен возглавить новую поисковую партию и что дело это будет ничуть не легче многих военных операций. Я думал о вас, а вы... – Бушуев умолк и укоризненно покачал головой.

– Я... я... – От неожиданности Нестеров заикнулся, но постарался сдержать неуместное волнение и твердо закончил: – Я готов немедленно выехать на поиски по вашему приказу.

– В том-то и дело, что вы вместе с товарищами должны сначала определить места будущих разведок, – сказал Бушуев, испытующе глядя на Нестерова.

– Красногорский район! – без промедления ответил Сергей.

Все зашевелились, задвигались.

Только теперь Нестеров рассмотрел присутствующих.

Кроме главного геолога, он увидел почтенного старика академика Холмогорова; лекции его он когда-то слушал в институте. На него он мог рассчитывать, как на своего сторонника. Затем к нему подошел и поздоровался старый единомышленник-однокашник. Он, как и Сергей, много лет искал алмазы, – увы, безрезультатно. Среди военных тоже были геологи – некоторых Нестеров знал по мирной работе, – имеющие касательство к проблеме его любимого минерала. И он понял: уже то, что здесь собрались почти все алмазники, и то, что совещание идет в присутствии представителя Комитета Оборона, свидетельствует, какое огромное значение придается поискам этого редкого минерала. А ведь всего лишь несколько лет назад ни Нестеров, ни академик, ни другие геологи не могли пробить ту стену равнодушия, которая окружала искателей русских алмазов.

«Итак, речь идет о том, чтобы определить возможные места поисков», – сосредоточенно думал Сергей.

Нестеров знал, что и старый академик, и многие из его друзей геологов отстаивают как единственно возможное место поисков алмазов – Саяны. И был рад, что успел замолвить слово за тот район, где, по его мнению, было больше надежды отыскать промышленные месторождения минерала.

Бушуев, оглядев присутствующих, снова обратился к нему:

– Вы уверены, что там есть алмазы?

– Уверен! – с ударением сказал Нестеров. – Перед войной я доставил сюда образцы, найденные мною на реке Ним. Тогда же была создана комплексная экспедиция для исследования всего района, и в ее составе был отряд по поискам алмазов. Я покинул экспедицию в начале войны, когда работы были развернуты.

– Я помню вашу находку, – сухо сказал главный геолог, и Нестеров сразу насторожился. Этот холодный тон не предвещал ничего доброго. Так главный геолог разговаривал и в старые времена, когда Нестеров убеждал его в необходимости тщательной разведки реки Ним, в ее верхнем течении. И действительно, чуть помедлив, чтобы оттенить свои слова, главный геолог продолжал: – К сожалению, в вашем докладе было больше догадок, чем фактов. Дальнейшие исследования не подтвердили вашего прогноза. Даже сопутствующие породы обнаружены в таком рассеянном состоянии, что нечего и думать об открытии там промышленных залежей. Да вот, впрочем, рапорт Палехова, принявшего экспедицию после вашего отъезда... – Он про-

тянул Нестерову бумагу, кашлянул и, не глядя больше на побледневшего Сергея, добавил: – Это стоило нам восемьсот тысяч рублей.

Бушуев, присевший к столу, перелистал какие-то документы, лежавшие перед ним, и спросил:

– А если бы алмазы были найдены?

– Но их не нашли, – возразил главный геолог. – Если уж речь идет о поисках, то я предпочитаю избрать Саяны, где, кроме мелких кристаллов, найдены и спутники алмазов. Там больше вероятности. А еще выгоднее было бы просто покупать их, чем искать и не находить.

– Я тоже голосую за Саяны, – поддержал академик, как бы не заметив последней обмолвки главного геолога. Но Бушуев, мельком взглянув на того, сказал:

– Споры о том, покупать алмазы или искать их, бесполезны. Возможно, нам придется истратить еще не один миллион на разведки. Дело в том, что положение с этим сырьем значительно хуже, чем вы представляете себе. Комитет Оборона был вынужден заняться этим вопросом именно потому, что английские и американские владельцы алмазных копей отказались, несмотря на военные договоры, снабжать нас – подчеркиваю – этим стратегическим сырьем по договору о взаимопомощи или по лендлизу и согласны только продавать алмазы, и то лишь по цене драгоценного камня, хотя мы просили у них самые дешевые сорта: так называемый борт и алмазную пыль. Вы представляете, что это значит для нас в такое время? Американцы отдают в свою промышленность больше пятидесяти миллионов каратов алмазов в год, а нас взяли за горло и требуют золота!

Он сказал все это, не повышая голоса, и только паузы да ударения на отдельных словах выдавали, с какой яростью он вспоминал об этом ультиматуме. В комнате наступило молчание. Только главный геолог вдруг недоуменно спросил:

– Но ведь они же наши союзники в общей войне?..

– Война-то общая, да цели разные... неужели вы не понимаете этого? – сердито ответил Бушуев и, помолчав, добавил: – Нам нужны собственные алмазы! Я видел своими глазами, как на наших военных заводах твердые сплавы обрабатывают гранеными бриллиантами, вынутыми из драгоценных изделий, которые наши люди сдают в фонд победы.

Он умолк, задумчиво глядя перед собой, будто видел пересыпающиеся драгоценные камни, которые вынули из оправ перстней, серег, брошей и кулонов и превратили в резцы, чтобы выполнить точную военную работу.

И Нестеров почувствовал огромную ответственность, какой никогда не испытывал в годы поисков алмазов. Он словно бы снова открывал все значение алмаза – самого драгоценного минерала в мире и самого твердого резца, без применения которого не обходится ни одна отрасль промышленности. Затем он увидел своим внутренним взором заводы, о которых говорил Бушуев. Там производились сейчас танки, самолеты, пушки, подводные лодки и новые станки для производства этих орудий обороны. Он увидел буровые скважины, которые, пронизывая гранит, диабаз, известняки, пытались нащупать нефть, столь необходимую сейчас. Так же ясно увидел он и людей, которые производили эти орудия, добывали нефть, делали тысячи дел, чтобы защитить родину от врага, и ему вдруг показалось, что все эти станки, буры, резцы, сверла замедляют ход, что люди, работающие у этих механизмов, мрачнеют, они обращают свои лица к нему, геологу, они готовы укорить его за то, что он не обеспечил их доброкачественным сырьем, и вот теперь из-за него они работают медленнее, чем могли бы...

Это было мгновенное прозрение, столь сильное, что он невольно поднял руку к глазам, прогоняя быстро летящие видения. Оглядев геологов, он понял, что они охвачены таким же чувством вины. Главный геолог, много лет досаждавший Нестерову ироническим отношением к его работе, считавший, что природа не наделила Россию алмазами и их проще покупать, чем искать, вдруг взглянул на Нестерова почти сочувственно. Академик покачивал головой, словно

желая сказать: вот, мол, не слушали меня, а теперь... Но что «теперь» – трудно было прочесть на его лице, так как оно приняло сосредоточенно-задумчивое выражение.

– Я полагаю, что надо начинать поиски на Саянах, – сказал главный геолог, но голос его звучал нерешительно, он, видно, ждал поддержки. Но едва Нестеров возразил ему, как лицо у него снова стало суровым и властным.

Главный геолог испытывал то священное чувство ответственности, которое для иного человека служит броней. Ее не прожжешь искрами красноречия, не растопишь пламенем фантазии. Он должен произнести очень важные слова: «Начинайте поиски!» А ведь поиски могут быть и безрезультатными. Кто же тогда ответит за убитые впустую средства? И главный геолог хотел знать, на что он может опереться, принимая свое решение...

Вот уже двадцать пять лет советские ученые составляют геологическую карту страны. Они раскрыли такие запасы руд, минералов, нефти, что страна вышла на первое место в мире по объему подсчитанных полезных ископаемых. Были найдены все девяносто элементов менделеевской таблицы, открыты новые залежи платины, золота, драгоценных камней, редких земель; но за все двадцать пять лет не было найдено ни одного месторождения алмазов, хотя Геологический комитет посылал десятки экспедиций на поиски этого сырья, и тот же Нестеров, не говоря уже об академике и других геологах, не один сезон потратил на бесплодные поиски.

В эту минуту главный геолог искренне забыл, что он первый стеснял Нестерова и других алмазников, забыл о том, что, усвоив простую и бесхлопотную доктрину о выгоде покупки алмазов перед поисками их, суживал эти поиски как мог, считая их бесполезными. Сейчас он был так же увлечен новой задачей и готов был поддержать любое предложение, но предложение это должно быть деловым. Никто не простит ему растрату сил и средств, которые теперь, в годы войны, ценятся в тысячи раз дороже, чем раньше. Тем более взыскателен он будет к проекту Нестерова. Нестеров, конечно, знает об алмазах больше, нежели другие алмазники, он занимался ими чуть ли не десять лет. Но вот перед ним сидят не менее уважаемые люди и утверждают, что искать алмазы надо на Саянах. Так пусть Нестеров докажет свою правоту, ибо наука не доверяет интуиции.

Главный геолог протер свои очки, водрузил их на нос и уставился на Нестерова требовательно и сурово, словно говоря, что он исполняет свой долг. А долг его в том и состоит, чтобы проанализировать все доводы геолога и постараться найти в них несоответствие, поддержки, ложное увлечение. И как ни беспокоило главного геолога присутствие представителя Комитета Оборона, который почему-то с симпатией выслушивает Нестерова, он остался верен себе. Вытерев платком лоб и лысую голову, он и на генерала взглянул тем же суровым и требовательным взглядом, как бы подтверждая: «Я поставлен на это место для контроля и буду стоять твердо!»

Бушуев сказал:

– У вас в комитете есть три письма секретаря Красногорского райкома партии Саламатова. Он утверждает, что ваши геологи не закончили работ по исследованию района. Саламатов тоже уверен, что в районе есть алмазоносные площади...

– Саламатов не геолог! – заметил кто-то из присутствующих.

– Но он знаток района! – ответил Нестеров, с любовью вспомнив своего старого друга и как будто въявь увидев перед собой худощавого человека в черной косоворотке, его продолговатые, в старомодной оправе очки на длинном и тонком носу. Он постоянно в пути, в скитаниях по тем местам, где при его помощи возникала новая жизнь.

А край по-прежнему казался пустынным, сколько бы людей ни привлекал секретарь райкома. Слишком уже велик был этот северный район! Люди терялись в нем. Поля, рудники, фабрики незаметны среди оглушающего лесного безмолвия.

Бушуев усмехнулся и одобрительно сказал:

– Нестеров прав. Я знаю Саламатова двадцать пять лет. У него слово твердо, как алмаз. – И, улыбнувшись этому сравнению, напомнил: – Ведь многие открытия стали возможны только потому, что геологи шли по следам краеведов...

Нестеров с волнением смотрел на генерала. Имя Саламатова протянулось между ними мостиком. Он упрямо сказал:

– Я занимался исследованием этого района несколько лет и достаточно изучил его. Там могут быть россыпи промышленного значения.

Бушуев оживился и подвинулся к нему вместе с креслом.

– Доложите все, что вы знаете об алмазах в этом районе. Поделитесь и фактами и догадками. Главный геолог будет вашим оппонентом. Уж слишком часто он повторяет, что в России нет алмазов. Убедите-ка его! В одном-то он безусловно прав – миллионные расходы следует делать обдуманно!

Нестеров невольно улыбнулся этой манере Бушуева быть абсолютно беспристрастным к обеим сторонам. Но его неподдельный интерес и волнение свидетельствуют, что он на стороне Нестерова. Хорошо, что разговор произойдет в его присутствии. С главным геологом Нестеров говорил не раз, и всегда у него было такое ощущение, что тот слушает невнимательно, как нечто давно известное и надоевшее.

Он оглядел присутствующих, отметил, что они следят за ним с сочувственным вниманием, – не так-то просто убеждать главного геолога! – и заговорил медленно, методически нанизывая мельчайшие факты, свидетельствующие в его пользу, один за другим, с таким же тщанием, как если бы нанизал нитку алмазных бус. Он и сам с удивлением заметил, что за время войны ничего не растерял и не забыл, наоборот, многие известные ему факты предстали теперь в новом и более правильном свете.

– История находок утверждает, что алмазы на Урале стали известны с тысяча восемьсот двадцать девятого года. Тогда на золото-платиновом прииске у села Крестовоздвиженского Пермского уезда четырнадцатилетний мальчик Павел Попов, рабочий вашгерда¹, снял с промывочной машины первый кристалл алмаза. Он принял его за топаз – топазы, или тяжеловесы, как их называют на Урале, часто находили в золотых песках, но кристалл был проверен и оказался алмазом. Через несколько дней там был найден второй алмаз, затем третий. Хотя настоящей разведки на алмазы не велось, однако Крестовоздвиженский прииск дал в течение одного года двадцать шесть камней...

– Об этом написано у академика Ферсмана, – сухим тоном сказал главный геолог.

– А я и не оспариваю работы академика, – резче, чем следовало, ответил Нестеров. – Я просто пытаюсь проанализировать, почему же не было предпринято настоящих поисков. И единственную причину вижу в том, что наши владельцы золотоносных приисков, где, собственно, и находили алмазы, не могли конкурировать с англичанами, владельцами всех крупнейших алмазных месторождений в мире. И едва появлялись известия о том, что где-то в мире обнаружены новые месторождения алмазов, как алмазные короли снижали цену на алмазы, и добывать их становилось невыгодно. А чуть только бум прекращался, они вновь резко снижали добычу камня и взвинчивали цены...

– Однако и Ферсман считал, что у нас нет промышленных месторождений алмазов, – проворчал главный геолог.

– А вот это обстоятельство не доказано! – сердито сказал Нестеров. – Еще знаменитый путешественник Александр Гумбольдт утверждал, что многие места на Урале по своим геологическим породам схожи с алмазными месторождениями Бразилии, и советовал искать здесь алмазы. И в самом деле, на Урале за истекшие сто лет нашли почти триста кристаллов! Разве

¹ Вашгерд – станок для промывки золота.

это не доказывает, что искатели все время кружили где-то возле коренных месторождений алмаза?

Появление алмазов на Урале для многих геологов до сих пор оставалось загадкой, несмотря на то что первые кристаллы были найдены сто лет назад. За сто лет такая передовая и многогранная наука, как геология, казалось бы, должна была найти объяснение этому факту. А что произошло?

Одни геологи, зная, что африканские алмазы были найдены в вулканических трубках, заполненных магнезиально-силикатной породой, названной по месту нахождения кимберлитом, связывали зарождение алмазов в подземных глубинах именно с этой породой, которая на Урале не встречалась. Следовательно, искать алмазы, утверждали они с чистой совестью, здесь нечего.

В Индии алмазы добывались в размывах крупнейших рек и были связаны с барами – мелководными устьями рек, где море замедляло и останавливало течение речной воды. Алмаз – единственный минерал, не имеющий сцепления с водой. Опущенный в воду, он тонет, «как камень», тогда как любой другой минерал скользит в воде, сцепляясь с нею молекулярно, – «плывет» в ней некоторое время, пока, по закону тяготения, не упадет на дно. Но и на дне вода передвигает камни, тогда как алмаз трудно поддается этому передвижению. Промышленные россыпи индийских и бразильских алмазов находятся в устьях рек, а так как очертания ныне существующих морей, в сущности, неизменны, то эти устья известны. «А попробуйте, – говорили оппоненты, – обнаружить, где соприкасалось бывшее Пермское море с реками древнего Урала, скажем, сто миллионов лет назад! Попробуйте ныне проследить эту древнюю гидрографическую сеть Урала! С чем вы свяжете поиски алмазов на Урале, если даже они там и есть? Мы согласны, что кристалл алмаза, рожденный где-то в немыслимых глубинах при невероятных температурах из газа углерода, был выброшен на поверхность вулканическими силами. Но это же были единичные, лишь случайные образования алмазов, и такие кристаллы действительно могут быть разбросаны по всему меридиану Урала, от Орских степей до Заполярья, тем более что ледники раздавили и снесли долины древних рек, а море, в довершение всего, столько раз наступавшее на Урал, перемыло и разбросало эти кристаллы на необозримой территории. Поэтому они не связаны ни с особой породой, как в Африке, ни с бывшими барами рек, как в Бразилии. Где же вы их будете искать? И еще одно: в Африке содержание алмаза в полкарата на один кубометр породы считается бедным месторождением. А вы, перебив двести кубометров породы, нашли всего лишь три кристалла. Считаете ли вы такой результат достойным того, чтобы продолжать поиски? Ведь двести или – пусть будет по-вашему – триста кристаллов, найденные за сто лет, – подумайте, за сто лет! – так и не указали нам ни одного признака, по которому можно было бы приурочить поиски к определенному месту, – кристаллы эти не обозначили по-настоящему ни спутников уральского алмаза, ни ультраосновных пород, с которыми он связан. Вы считаете такими породами сфен, кристаллический кварц и циркон... Но где на Урале эти минералы имеются в нерассеянном виде?»

– Каковы же ваши собственные предположения? – спросил академик, сочувственно глядя на Нестерова.

– Я обратил внимание на одну особенность: большинство кристаллов было найдено на высоких террасах бывших русел рек и чаще всего недалеко от верховьев Нима. Из этого я сделал предположение, что алмазы, если они имеются в скоплениях, представляющих промышленное значение, должны лежать в наиболее древних сложениях пород. Бассейн реки Ним как раз и сложен из таких пород и наименее пострадал от последующих тектонических явлений.

Он подошел к стене. Кто-то включил верхний свет, и комната сразу расширилась. Маскировочные шторы на окнах, как водопады, разделяли синими полосами пестроту разноцветных карт, развешанных по стенам. Нестеров остановился около карты Северного Урала, взял указку и очертил небольшой треугольник к югу от истоков реки Ним.

Слушатели напряженно ждали. Нестеров медленно продолжал:

– Вот здесь, на приисках графа Богарова, в тысяча восемьсот семьдесят девятом году было найдено несколько кристаллов алмазов. Граф Богаров при письменных переговорах о продаже своего прииска князю Сурожскому несколько раз ссылается на замечание Гумбольдта и указывает, что речь шла о принадлежащем ему прииске...

– Достоверные данные! – иронически заметил главный геолог. – А если он набивал цену прииску, как цыган?

Не обращая внимания на язвительное замечание, Нестеров отметил еще несколько точек на карте.

– Из других источников известно, что на шуваловских землях во время разведки на платину были найдены три кристалла. Подлинник этого сообщения, посланный в Париж графу приказчиком прииска, был обнаружен мной в архиве Шувалова еще в тысяча девятьсот тридцать девятом году и тогда же сдан в комитет. Шуваловский платиновый прииск под названием «Дорогой» был вот здесь. Крестьянин Данила Зверев, искавший рубины и сапфиры, нашел с тысяча восемьсот семьдесят девятого по тысяча восемьсот девяносто пятый год четыре кристалла алмаза. Места находок засвидетельствованы ученым Воробьевым. Все они находятся вот по этой линии. – Нестеров отчеркнул третью сторону треугольника на Ниме.

Он оглядел своих безмолвных слушателей и обратил внимание на то, как жадно, заинтересованно слушал Бушуев, то и дело покачивая головой и как бы говоря: «Так, так, Нестеров, не робей, доказывай, и пусть потом главный геолог сумеет ответить тебе». Да и противник Нестерова на этот раз слушал внимательно, то и дело поглядывая на карту, испещренную знаками геологических открытий, словно ожидая, что волей Нестерова на ней вот-вот появится еще один знак, обозначающий, что в верховьях реки Ним действительно имеются алмазы. И, ощутив этот общий интерес, Нестеров заговорил еще оживленнее. Теперь он говорил о доказательствах, которые не являлись академическими, но тем не менее свидетельствовали в пользу его гипотезы.

Он рассказывал о том, как в течение нескольких лет искал документы о русских алмазах. Он извлекал эти документы из семейных архивов золотых королей Урала, из литературных музеев, в которых нашлось немало интересных бумаг, попавших когда-то в руки русских писателей, журналистов, историков. Он обследовал полицейские и жандармские архивы трех уральских губерний, справедливо полагая, что русские алмазы, как и большинство драгоценных камней, могли оставить за собой кровавый след.

Поиски Нестерова в полицейских архивах и в самом деле дали много интересного. Так он проследил историю шестикаратного алмаза, купленного в Перми купцом Мешковым и отобранного у владельца в качестве вещественного доказательства по делу об убийстве мещанином Верхотурского уезда Земцовым золотоискателя Бахнова. Из свидетельских показаний по делу об убийстве Бахнова Нестеров выяснил, что и этот камень был найден на Ниме...

Камни оставляли свой след в разных местах. В Казани в конце прошлого века судился по делу о мошенничестве и подделке драгоценностей некий Староверов. Фамилия Староверова, скупщика золота и камней, попадалась Нестерову и раньше при изучении полицейских материалов. Нестеров заинтересовался родословной мошенника. Дело в том, что на Ниме до сих пор сохранился род Староверовых. Исследовав дело Староверова, Нестеров узнал, что тот действительно происходил из крестьян Нимской волости. Здесь же он и работал в роли тайного скупщика золота и камней, одновременно руководя крупной шайкой спиртоносов. Но в деле самым главным для Нестерова было упоминание о том, что, кроме поддельных драгоценностей, при аресте у Староверова было отобрано восемь кристаллов алмазов, о происхождении которых Староверов отказался дать какое бы то ни было объяснение. Из акта с описанием камней было ясно, что кристаллы отличались и от индийских и от африканских камней своей необыкновенной прозрачностью, так называемой водой. И происхождение Староверова,

и место его мошеннической деятельности по скупке, и, наконец, отказ указать, откуда взяты камни, – все говорило, что они были приобретены Староверовым на Урале, на частных или кабинетских землях.

Уже подходя к концу своего повествования, Нестеров вдруг подумал о том, что он и сам, в сущности, никогда еще не располагал известным ему материал в такой строгой последовательности. Теперь-то он знал – сила его убежденности захватила всех слушателей. И верно, когда он умолк, в комнате долго длилось молчание. Затем Бушуев спросил:

– Ну, как ваше мнение, товарищи? У кого есть возражения против предложенного Нестеровым ориентировочного района поисков?

Возражать никто не хотел.

Да и трудно было возразить против этих доводов, изложенных с таким проникновением вглубь, что казалось, будто перед слушателями проходили все эти хитники², находившие алмазы, скупщики, овладевавшие затем камнями, дворянские наследники, скупавшие их по дорогой цене, ростовщики, к которым в конце концов попадали камни. Кровь была на следу каждого камня, и все следы вели к небольшой уральской реке Ним.

Алмазники смотрели на Нестерова с восхищением: он показал, как надо искать следы и отстаивать свою правоту. И генерал предложил поставить вопрос на голосование.

Дальнейшее последовало быстро. Предложение Нестерова утвердили. Начальник отдела кадров посоветовал во избежание параллелизма, а вернее всего, для того чтобы не ущемлять самолюбие Палехова, который после ухода Нестерова возглавлял экспедицию, ввести Нестерова в эту экспедицию на правах начальника особого отряда. Людей Нестеров должен был подобрать сам из состава экспедиции и из местных «горщиков», знакомых с камнем с детства. Бушуев предложил поручить экспедиции Палехова поиск шеелита и разведку на нефть. Не стоило снимать хорошо вооруженную, сработавшуюся экспедицию из малоисследованного района, где с давних пор наблюдались такие необходимые для войны минералы, как шеелит – руда вольфрама, как выходы нефти. Перелистывая отчеты Палехова, Бушуев несколько раз брюзгливо проворчал, что экспедиция работает плохо, словно никакой войны и нет!

Нестерову стало обидно за Варю. Ой знал, что ей нелегко в тылу. За эти дни он уже насмотрелся на пятнадцати-семнадцатилетних мальчишек и девчонок, бегущих по утрам на заводы, чтобы делать работу взрослых, видел очереди за хлебом, сам ел хлеб, выпеченный пополам с картошкой и чуть ли не с примесью целлюлозы... Временами казалось, что в тылу больше не осталось мужчин, а если они и встречались, так только одетые в форму, да разве еще раненные, бродившие возле своих госпиталей, ожидающие выздоровления, чтобы снова вернуться на фронт...

Да, Варя, наверно, нелегко! Но если уж Сергей возвращается туда, он примет всю ее ношу на свои плечи, он согласен и ее-то нести на руках до самого конца страдного пути. Конечно, не очень приятно переходить в подчинение к Палехову. Но относительная самостоятельность, которую обещает начальник отдела кадров, вполне устраивает Нестерова, а там будет видно! Может, он сумеет помочь и Палехову. В экспедиции есть деятельные люди: Головлев, Евлахов, Суслов, та же Варя. Может, им только и не хватает легкого толчка извне? Вот он и подтолкнет их. Нельзя, чтобы такой мощный отряд, как Красногорская экспедиция, простаивал по чьей бы то ни было вине. Самое главное, как сказал Бушуев, искать и находить!

Пока он раздумывал о своем, совещание утвердило и план поисков на Саянах. Туда направляли сразу несколько отрядов. Нестеров усмотрел в этом, кроме желания как можно шире провести поиск, некоторый намек со стороны главного геолога: убедить-то, мол, ты меня убедил, но только я считаю, что все-таки Урал алмазами беден! И Сергею страстно захотелось обогнать в поисках Саянскую экспедицию...

² Хитники – приискатели, работавшие втайне от «казны».

Когда все было решено, Нестеров вдруг увидел обращенный на него встревоженный взгляд Бушуева. Он невольно взглянул в зеркало. В самом деле, лицо было усталое, измученное. Должно быть, генерал беспокоился о его здоровье.

– Не трудно ли вам будет, Нестеров? – вполголоса спросил генерал. – Может быть, дать вам хорошего помощника?

– Нет, не нужно. Это будет легче, чем та атака под Сталинградом, товарищ генерал, – улыбнулся Нестеров. – А помощник у меня есть. Она... то есть он, помощник, там в Красногорске...

– Ну, если там есть такой помощник... – протянул Бушуев и засмеялся. – Однако не забывайте, что вы всегда можете получить и мою поддержку.

Еще день назад Нестеров многое бы отдал, чтобы кто-нибудь указал ему правильный путь. Теперь этот путь открыт перед ним. Он представил себе темные просеки, широкие полосы буреломов, словно сухие реки, вздыбившиеся волнами сучьев и стволов. Увидал голые, костлявые горы, бурные потоки, стиснутые стенами скал, белесое низкое небо, метели, суживающие горизонт так, словно конец мира рукой подать, и среди всего этого увидел милое, ласковое лицо Вари. И картина, только что представшая перед ним, сразу потеряла свой мрачный колорит. Там, где Варя, всегда солнечно и ясно!

Он молчал несколько мгновений, пока перед ним проходили эти видения, и затем сильным, спокойным голосом сказал:

– Не беспокойтесь, товарищ генерал, я справлюсь.

Бушуев еще раз внимательно оглядел его.

– Помните, Нестеров, это военная разведка. От вашего успеха во многом зависит победа на фронте и в тылу. Я буду ждать ваших известий. Пусть брильянты украшают женщин. Для производства мы должны найти алмазы. Пусть мелкие, пусть тусклые – лишь бы они помогли разбить врага. А тому, что их у нас нет, я не верю!

И оглядел всех спокойным взглядом. Впрочем, больше никто не хотел перечить ему. Нестеров попросил разрешения уйти. Бушуев сказал:

– Передайте привет Саламатову. Это мой бывший командир. Надежды ваши совпадают, так что он вас поддержит!

Нестеров вышел, радуясь тому, что с ним будут, как на поле боя, добрые и верные товарищи – Бушуев и Саламатов. И Варя, Варя!

Он с трудом перевел дыхание, представив себе будущую встречу, и невольно замедлил шаги. На улице была ночь без зажженных фонарей, без просветов из окон, темная военная ночь.

На следующий день он выехал в Красногорск.

Глава вторая

Но вот сказка была готова, и как раз вовремя...
Г.-Х. Андерсен

1

Там, куда ехал Сергей Нестеров, все старое, известное, привычное кончалось. И начинались необжитые места, где сама жизнь человека граничила с подвигом и приключением.

Прежде всего окончилась железная дорога. Все пути на маленькой станции уперлись в тупики, которые стояли как часовые у границы обжитого мира. Они, казалось, охраняли маленький старинный городок, сверкавший на осеннем солнце главами церквей, которых на первый взгляд было больше, чем домов.

От этого городка начиналась лесная трасса, проложенная по глухим болотам и сограм³, по древней парме⁴, схоронившей старые следы жизни и заглушившей древние торговые дороги из Булгар в Чудь и из Новгорода за Камень. На месте разрушенных когда-то столичных городов, где в древности шумели, встречались, торговали, а если были споры, то и воевали Юг, Север, Восток и Запад, выросли непроходимые леса.

Нестеров знал и любил историю этого потерянного мира, который ныне заново открывали упрямые северяне, строя города по-дедовски, из бревен по полметра в диаметре, с острогорбыми крышами, способными выдержать здешние тяжелые снега.

Впрочем, изменилось в этом городе теперь многое. Старый административный центр, в котором еще в целости сохранились дома-крепости царских воевод с заборами из кедровых палей⁵, играющие на солнце слюдяными оконцами и удивляющие своим видом торопливых потомков, был со всех сторон охвачен новыми заводскими поселками. Здесь щедрая уральская земля – только пробейся сквозь нее, раскрой ее недра – отдавала калий, соль, нефть. А возле реки шумели цехи бумажного комбината, пристанские склады, и по замерзшей земле с дробным стуком шли тракторы, автомашины, передвигались краны, торопились полки рабочих. И только в древнем центре дремала устойчивая тишина, словно люди нарочно оставили старый городок для обозрения, как бы накрыв его стеклянным колпаком – бледным небом, низко нависавшим над городом.

Нестеров любил этот городок. В нем, как две струи в реке, шли две жизни, нимало не мешая одна другой. Охотники, звероловы, добытчики золота ютились в своих старых домиках с пудовыми замками и ставнями из кедровых плах, а их дети работали на шахтах, на рудниках, учились в техникумах и школах ФЗО, переселялись в новые кварталы пятиэтажных домов, – они были хозяева нового города. Правда, внимательный взгляд видел и на ином воеводском дворце, уцелевшем без всяких переделок, замысловатую вывеску какого-нибудь райзаготучреждения, а опытный приезжий, конечно, стремительно направился бы к новому зданию в центре, зная, что именно там должны быть и райисполком и райком.

На этот раз Нестерову некогда было любоваться стариной, он нетерпеливо искал машину, чтобы как можно скорее прибыть к месту работы. Его волновали мысли о тех, кто находился за полтораста верст от него и кто ждал помощи отсюда.

Главным среди всех этих людей был для Нестерова Саламатов.

³ Согра – болото, поросшее мелкокошьяком.

⁴ Парма – уральское название нетронутого леса.

⁵ Пали – городьба из бревен или плах с заостренными (опаленными) верхними концами.

Едва он вспоминал о Саламатове, как к нему возвращалось давно забытое детство. Тут были и едкий дым курной избы, и запах печеной репы, и дым пастушеского костра на горях по осеням, куда к ребячьей ватаге пастухов вдруг подходил комиссар. Так звали Саламатова все, потому что Саламатов командовал армией, воевавшей с белыми в этой части Урала. Против армии Саламатова, состоявшей из одной роты красноармейцев, действовали белогвардейские банды, гордо именовавшие себя «батальонами смерти», «полками двуглавого орла» и еще вычурнее, набранные из кулаков, чиновников и урядников, бежавших из уезда. Белыми руководил какой-то финн, принявший зырянскую фамилию. Граница между войсками проходила по водоразделу Печоры.

Сережа Нестеров глядел влюбленными глазами на комиссара, но не решался приблизиться к нему. Более взрослые ребята окружали Саламатова, они даже дрались иногда из-за чести исполнить его поручение. А Сережа, семилетний паренек, любитель сказок и мечтатель, лишь выглядывал из-за плеча старших, если только его не прогоняли домой. Впрочем, тогда он мог пойти пожаловаться другому своему другу, не менее занятому для паренька и, пожалуй, более сказочному, – Федору Каркудинову.

Федор Каркудинов был последним остяцким князем. Этот древний приземистый старик с черными узкими глазами на плоском скуластом лице не помнил своего возраста. Он жил на выселках за речкой Пиняшером, в старой курной избе, сложенной из древнего кедровника. От всего прошлого величия своего рода он сохранил только дарственную грамоту царя Алексея Михайловича, по которой во владение князей Каркудиновых передавались земли на Бигицком урочище, что между речками Пиняшером и Мышкой, по левому берегу Резвой, где раскинулись ныне общинные земли села.

Несмотря на свой преклонный возраст, Каркудинов все еще промышлял охотой, хотя уже не стрелял, а добывал зверя только капканами. До революции к нему раз в год, по первому оленному пути, когда морозы сковывали реки, приезжали люди его племени и привозили пушнину, чтобы он мог откупаться и давать взятки во многих тяжбах, которые вело его племя с купцами и земельными общинами из-за охотничьих угодий. Но вот уже два года соплеменники не навещали старика.

Ребята любили сидеть у него долгими зимними вечерами и слушать старицкие рассказы о прошлом величии рода князей Каркудиновых. Сережка часто навещал старика, с радостью уходя из холодной, истопленной избы, от вечно занятой матери, которую иссушило раннее вдовство. И хотя взрослые обходили Каркудинова стороной, боялись его, потому что им «доподлинно было известно», что князь умеет колдовать, мать перестала бранить Сережку за долгие эти посиделки, так как старик подкармливал паренька или зайчатиной, или ржаными лепешками, испеченными прямо в золе.

Время было голодное и холодное. В деревнях к муке примешивали еловую кору, драли на болотах олений мох и, выварив, а затем просушив его, толкли и прибавляли в хлеб. Это был тяжелый желтый хлеб, похожий больше на глину. И мать только радовалась, когда мальчуган приходил домой и ложился спать, ничего у нее не прося.

Зато и Сережа любил старого князя по-детски корыстной, может быть, но доверчивой любовью. Для него ничего не могло быть интереснее сказок старика. В этих сказках все было по правде, а не по силе. Если же и случалась беда у лесного народа, в последний час на помощь всегда приходил медведь Лиль-их⁶ и выручал свой народ.

Но жить тяжело было даже в сказках. Значительно позже узнал Сережка, почему у многих сказок были несчастливые концы. Он видел голодных, истощенных остяков, приходивших к своему князю, видел на их лицах следы лесной болезни – цинги, видел, как подолгу молчали

⁶ Их – по-остяцки медведь, в данном случае – бог-медведь.

они, сидя в курной избе Каркудинова, вздыхая и посасывая трубочки с самосадам, который всегда держал для гостей старый князь.

2

Советская земля кончалась на водоразделе. Дальше было враждебное государство Усть-Сысольского уезда, созданное беглыми белогвардейцами и финскими диверсантами, мечтавшими о Великой Суоми от Балтики до Урала. Купцы из уездного города увезли свои товары на Печору и отсиживались там, ожидая, когда будет разбита армия Саламатова, чтобы вернуться по домам и начать прежнюю жизнь. Они приторговывали с зырянами, но дела звали их на Резвую. Здесь были должники их, здесь, у остяков, лежали скопленные за последние годы меха. Меха могли уйти на Обь по старой уральской дороге через Вышьюру и Ним. Триста лет искали ее воеводы и ярыжки, да так и не могли найти, но каждый лесной человек узнавал приметы этой дороги от стариков.

Ранней зимой девятнадцатого года остяки прикочевали к селу. Противоположный берег покрылся чумами. На снегу зачернела ископыт олешков, кормившихся по увалам, где редкими плешинами рос ягель. Три старика на лыжах пересекли по льду реку под любопытствующими взглядами сельчан. За плечами они несли туго набитые торока⁷. Сережка, карауливший удобную минуту, чтобы заглянуть к Каркудинову, прошмыгнул вслед за ними.

Войдя в избу, остяки поклонились князю, высыпали из тороков меха, завалив ими весь земляной пол избы. Никогда до этого Сережка не видал столько мехов. Тут были не только лисы и куницы, – а за ними чаще всего охотились деревенские добытки, – но и соболь и кидус. Больше же всего было белых шкурок горноста с черными кончиками на хвостах.

Долго сидели остяки на земляном полу, привалясь к стенке, натертой за многие годы до блеска. Чуть выше отлакированной полосы была полоса жирная, лоснящаяся – там, где черные прямые волосы гостей прикасались к четвертому венцу избы. Гости были сердитые, голоса их звучали все громче и громче. Сережка спрятался за спиной Каркудинова, но больше всего он испугался, увидев, как из красных глаз Каркудинова потекли по морщинистым коричневым щекам крохотные мутные слезинки, которые старый сказочник так и не стряхнул, не стер, будто пропали у него силы. Потом гости ушли, а Сережка долго еще сидел в избе и слушал, как трудно дышит старик. Мальчик ждал, не зажжет ли сказочник огонь в кованом светце с тремя щипцами, в которые вставляли лучину. Но старик не двигался и молчал.

Когда уже стало совсем темно, старик вдруг окликнул его:

– Сергуня, в чьем доме комиссар живет?

– У Никитиных, – ответил Сережка.

– Проводи меня к нему.

Старик поднялся, вздул огонь, зажег светец, – все это делал он неторопливо, обстоятельно, как и раньше, но Сережка видел, что медлительность старика происходит от слабости, и осторожно сказал:

– Дедушка, может, утром-то легче идти?

– Не только свету, что в солнце, парень, – непонятно ответил князь и подал Сережке один из больших, но легких и мягких мешков, набитых мехами. – Этот вот ты понесешь, а этот – я. – И так же непонятно добавил: – Дитячье сердце, что птенец, – мягкое да пушистое, может, рука не сожмет, побоится.

Сережке показалось, что старик заговаривается, и он испугался. Но ведь и сказки его иной раз было трудно понять. И Сережка пошел впереди князя, который по вечерам плохо видел из-за куриной слепоты, нападавшей на него по осеням и веснам. Старик нес большой мешок, прихватив его левой рукой через плечо, а правой держался за Сережку.

⁷ Торока – особый вид упаковки поклажи.

У дома Никитиных Сережка постучался в окно горницы, где жил комиссар. Дверьпахнулась, комиссар вышел на крыльцо с лампой и осветил пришедших, прячась до поры в тени и держа лампу далеко от себя. Сережка прошел вперед, таща князя, совсем ослепшего от яркого света и поводившего головой, как старый петух.

– Что тебе, князь? – грубовато спросил Саламатов.

– Прими гостя, комиссар, – тихо ответил старик.

Он вошел в горницу, огляделся, присел на лавку, вытряхнул из мешков меха.

– Вот! – сказал он.

– Что «вот»? – спросил комиссар.

– Народ подарок шлет, – сказал старик, низко кланяясь. – Плохо народу, совсем плохо, помирает народ. Дай товар народу: муки дай, сахару дай, мануфактуры дай, вина мало-мало дай. Умирает народ, не только старый, а и маленький народ умирает. Умрут, кто останется?

Саламатов вскочил со стула, подошел к столу, схватил кусок хлеба и повернулся к старику.

– Ты что, князь, или совсем ум потерял? Ты погляди, что я сам ем? Видел, видел? – Он крошил перед лицом старика хлеб, рассыпавшийся, как песчаный, от примеси мха и коры. – А это видел? – Он хлопнул себе по дерюжным штанам, сшитым на манер галифе, дернул ворот гимнастерки из холстины, окрашенной ивовой корой в желтый цвет. Отряд Саламатова почти год не получал никакого довольствия и обмундирования и жил только за счет добровольных отчислений граждан уезда.

Старик растерянно встал и стал запихивать в мешок меха. Шкурки топорщились, хрустели. Перепуганный Сережа помогал ему, ползая на полу. Саламатов стоял, укоризненно качая головой.

– Эх, князь, князь, никогда мы с тобой не ссорились, а теперь, видно, придется. Забирай свою взятку да помни, что революция в твоих мехах не нуждается!

Старик выпрямился, глянул прямо в глаза Саламатову и с силой в голосе сказал:

– Неправду говоришь, комиссар! Разве при революции красивой одежды не будет? – Тряхнул мешком так, что по лисьим хвостам, торчавшим из него, пробежали искры, и крикнул: – Пошли, Сергуня, помирать пошли!

Они шли по темным, уже притихшим улицам. Сережка опять впереди, а за ним, держась за плечо, старый остяк. Падал тяжелый мокрый снег. Старик часто останавливался, словно в самом деле у него не было больше сил и он шел помирать в свою курную избу. Сережке стало страшно, но и оставить старика ему было стыдно. Было уже очень поздно, когда они добрались до выселков. Старик раскинул шкуры на полу, долго смотрел на них, качал головой и что-то тоненько приговаривал на родном своем языке. Потом сказал по-русски:

– Врет комиссар: и меха нужны будут, и охотники нужны будут.

Потом приказал Сережке ложиться спать.

Сережка заснул, раскинувшись на черных и серебристых лисах, на коричневых соболях, на белых горностах. Пожалуй, ни у одного короля не было такой дорогой постели, какая была в эту ночь у мальчика.

А утром пришли вчерашние остяки. Сережка еще спал, когда они появились. Заслышав чужие голоса, он проснулся и притаился в мехах, лежавших навалом у самой стены. Остяки разговаривали печальными, тягучими голосами, очень короткими фразами, подолгу молчали. Потом, как будто договаривая все, что было задумано и предложено в спорах, князь сказал по-русски:

– Жалко уголья бросать – каждая горка знакомая, каждое дерево дорогу показывает, куда в гости, куда на охоту, – а надо идти за Камень. Дорога будет через Лыпью и через Ошью, через Вышьюру и Ним. Кто дойдет – о нас вспомнит, а кто не дойдет – тому поминки на третий день устроить.

Помолчал и очень грустно сказал:

– Я не дойду. Мне жизни мало осталось.

Остяки стали что-то говорить быстро-быстро – должно быть, утешали старика, – но Сергунька уже не слушал. Он выбрался из-под мехов, прокрался к двери и выбежал на улицу.

Кругом было белым-бело, как в сказке или во сне. Следы еще не пятали снега. Только сеновозчики проехали к реке, которая теперь заледенела вся, – лишь прорубь для водопоя чернела у берега на курье⁸. Сережка бежал к дому, но печальные голоса остяков все не выходили из его памяти, все еще звучали в его ушах последние слова Каркудинова. И, не добежав до дому, Сережка повернул обратно и опрометью бросился к дому Никитиных.

Комиссар стоял на крыльце и умывался из рукомойника, над которым стоял плотный шар пара. Сережка остановился перед комиссаром, не зная, с чего начать. Комиссар вытер лицо твердым холщовым полотенцем, взглянул на парнишку, спросил:

– Ты чей? – Потом, припомнив, потрепал его по плечу. – А, знаю. Ну как, не умер твой старик? Ты что, свойственник ему?

– Нет, – торопливо сказал мальчик, стараясь точно ответить на все вопросы комиссара. – Я не свойственник, я Нестеров, а старик говорит, что всему народу уходить надо за Урал, а ему не дойти, он умрет.

Больше он не мог выдержать и при мысли о том, что сказочник, которого он так любит, должен умереть, заплакал. Слезы катились по его грязным щекам, он растирал их кулаком и смотрел на комиссара – единственного, кто мог помочь его горю. Комиссар все еще стоял с полотенцем в руках, пар шел от его рук и лица; он был красный, крепкий, молодой, но такой суровый, что Сережку брала оторопь.

– Это тебя старик послал? – спросил комиссар.

– Нет, я сам, – ответил Сережка. – Они опухли все, у них есть нечего, – сказал он, съезжаясь под строгим взглядом комиссара.

– Так, – сказал Саламатов. – Ну что ж, пойдем в избу... гость будешь, а если водки поставишь – хозяином будешь, – пошутил он, и лицо его стало совсем добрым.

В горнице Сережка стоял у порога и смотрел, как комиссар одевается. Его занимали ремни. Ремень на поясе, и еще ремень через плечо, и третий ремень от револьвера к поясу. Он совсем забыл, зачем пришел к комиссару, как вдруг тот подтолкнул его к двери и сказал:

– Ну, води!

– Куда?

– К князю.

Сережка выскочил из горницы и побежал впереди, оглядываясь, на самом ли деле идет комиссар или только пошутил. Спустившись в лог и пересекая наискось крутой взвоз к выселкам, Сережка увидел, что у избы князя стоит олений обоз и низкорослые люди в малицах выносят из избы пожитки старика. Каркудинов стоял в стороне, глядя на дом, в котором прожил почитай сто лет.

Увидев Сережку, старик обрадовался, всхлипнул вдруг, сказал:

– Пришел, Сергунька, не обидел старика. Я так и знал, что придешь...

– Я не один, дедушка.

– С кем ты? Не признаю я, глаза тоской выело.

– Это товарищ Саламатов.

– Здравствуй, здравствуй, комиссар!

– Здравствуй, князь! – сказал Саламатов.

Он постоял немного, приглядываясь к остякам. Цинготные лица. Воспаленные глаза... Несут легкую ношу, а сами качаются, как от ветра.

⁸ Курья – залив на реке.

Противоположный берег реки исчерчен оленьей ископытью, мелькают маленькие фигурки женщин и детей, собирающихся в дальнюю дорогу.

– Н-да!.. – сказал комиссар.

– Вот так, – сказал князь.

– Куда же вы теперь?

– На Обь.

– Да ведь туда и дороги нету...

– Тайная дорога, темная, трудная дорога, – печально сказал Каркудинов.

– Вот беда мне с вами, – сказал Саламатов. – Ну куда вы пойдете? Детей поморозите, оленей поморите, сами совсем ослабнете. Оставайтесь.

– Нельзя здесь оставаться: голодно, – сказал князь. – Раньше меха купцу дал, меха чиновнику дал – они муку дадут, сахар дадут, мануфактуру дадут, вино дадут. У тебя жены нет, тебе меха не нужны.

– Нужны, – сурово сказал Саламатов. – И ты меня этим не дразни. Не мне нужны, так другим. Это я глупость сказал. Оставайтесь. Из-под земли достану!..

Старик вдруг покачнулся к комиссару и обнял его. Саламатов смущенно отвернулся.

Потом Каркудинов закричал что-то тонким, похожим на птичий, голосом остякам, и слова эти вдруг понеслись от одного к другому, заставляя людей вскрикивать, бросать вещи, которые они грузили на нарты, смеяться, ликовать.

– Пойдем, Нестеров, – сказал Саламатов Сережке. – Пойдем, парень, государственное дело делать. Будешь мне помогать?

– Буду, – сказал Сережка счастливым голосом.

В тот же вечер Саламатов выехал в уезд.

Там он уговорил членов ревкома оказать помощь остякам. Из скудных запасов, которых Саламатов не трогал даже для нужд своего обносившегося и изголодавшегося отряда, он взял для остяков и мануфактуру и сахар. Муку получил из гарнцевого сбора бывшей земской мельницы. Так, по крохам, он насобирав для охотников почти всего. Не было только водки. Но, полагая, что водка нужна остякам для лечебных целей, – так усиленно просил ее Каркудинов, – он отдал приказ милиции объехать всех окрестных самогонщиков. Через два дня ему доставили десять ведер самогона и две бочки барды. С того дня как комиссар вернулся из своей отлучки, Сережка испытывал блаженное волнение. Целыми днями сидел он у Саламатова, если тот бывал дома, что есть духу бегал по его поручениям, а вечерами приходил к Каркудинову. Старик снова стал весел и рассказывал самые замечательные сказки из тех, что знал. Так мальчик приобрел двух взрослых друзей – сказочника и комиссара. Он не мог бы сказать, который из его друзей лучше. С одинаковым вниманием выслушивал он и сказки князя, и рассуждения Саламатова, говорившего с ним, как со взрослым, о всех своих больших делах, особенно если они требовали долгого и медленного обдумывания. И для Саламатова Сережка стал необходим. Одиноким человек, застрявший в холодном и неуютном северном крае, не мог обойтись без слушателя.

Самый счастливый день был для Сережки тот, когда Каркудинов принял по описи от Саламатова все добро. Мешки с мукой и тюки с мануфактурой, лагунок⁹ с самогоном и сахарные головы, обернутые в синюю бумагу, были аккуратно погружены на нарты. Погонщики угнали обоз. А к вечеру они вернулись обратно. Теперь нарты были нагружены мехами. Остяки сгрузили меха на дворе у Саламатова и потребовали расписку в том, что долги купцам уплачены сполна. И Саламатов дал требуемую расписку.

С этого дня у Саламатова стало два постоянных гостя. Старый князь приходил с утра, присаживался у стены и покуривал трубочку или строгал какую-нибудь палочку охотничьим

⁹ Лагунок – маленький бочонок.

ножом, а рядом с ним сидел Сережка, ожидая, когда из-под ножа старика выйдет занятная игрушка – деревянный бог с рыбьей головой или бегущий олень, а то и целая упряжка с нартами и погонщиком. Когда к Саламатову заходил кто-нибудь из отряда или приезжий комиссар из города и в горнице начинался разговор о чем-нибудь секретном, – Саламатов коротко бросал:

– Эй, князь, поди-ка взгляни на погоду.

Старик брал Сережку за плечо, и они выходили на улицу. Там Сережка исправно оглядывал улицу и морозные облака на западе, смотрел, в какую сторону дует ветер, и рассказывал об этом старику, который стал совсем плохо видеть. Но как только гость, которого слушал комиссар, уходил, оба они снова возвращались в теплую горницу и занимали свои места. И старому и малому доставляло одинаковое удовольствие сидеть у главного начальника.

3

День Николы зимнего был престольным праздником. Хотя и голодно было в селе, однако сельчане пригласили к себе бойцов, и каждый дом гордился своим гостем. По улицам ходили веселые группы людей с гармошками и балалайками. Несмотря на раннее утро, было шумно илюдно. В церкви только что окончилась служба. Подвыпившие мужики и бабы вышли на взвоз ожидать запоздавших гостей.

С горы был виден обоз из пяти саней, медленно подвигавшийся по реке. Женщины запели величальную песню, приветствуя поезжан, прибывших на праздник:

Уж ты, сад, ты мой сад,
Виноград зеленый!
А и чей же то сад
Листом зеленеет?
Листом зеленеет,
Цветами играет...¹⁰

Вдруг песня оборвалась. Послышался чей-то протяжный, испуганный крик. Затем странное молчание повисло над толпой. По главной улице уставшие лошади тащили возы. На развалинах лежали тела бойцов, державших заставу против белых в деревне Ксенофонтово. Трупы были раздеты догола и закованы в самых невероятных позах. Колотые и рубленые раны темнели пятнами на синей, оледеневшей коже. Каждый воз сверху был стянут веревками, чтобы трупы не выпали во время долгой дороги. Вожжи были привязаны к передку, лошади чувствовали их и могли идти без ямщиков. Саламатов выскочил из избы на женский плач, покачнулся и закрыл глаза руками. Сережка, выбежавший вслед за ним из горницы, увидел, как комиссар бросился к реке, будто хотел один, вот так, в чем был, догнать врагов, что убили и изуродовали его товарищей. Сережка закричал, потом захлебнулся слезами и, слепо глядя в небо, побежал за ним. Каркудинов, шедший навстречу от реки, схватил комиссара за руку и что-то заговорил быстро и прерывисто. Саламатов опустил голову и пошел вслед за ним в избу.

В эту ночь Каркудинов и два лучших охотника племени повели красноармейцев тайными тропами на Екатерининскую канаву.

В екатерининские времена была сделана попытка связать реки каналом вместо волока, по которому обычно перетаскивали суда на руках и при помощи лошадей. Канавка пересекала водораздел, но уже давно никто ею не пользовался из-за мелководья, и в зимнюю пору служила она теперь лыжной дорогой для охотников. Старый остяк вывел отряд Саламатова в тыл белогвардейцам, воспользовавшись этой тропой.

К отряду примкнули все взрослые остяки, имевшие оружие. Кострами и дымовыми сигналами созвал их Каркудинов на речку Волосницу. Оттуда, разделившись на две группы, отряд Саламатова ударил ночью на белогвардейские заставы.

В ночном бою белогвардейцы были разбиты и рассеяны. Но старый остяк попал под карточный выстрел из шомпольного зырянского ружья и был тяжело ранен.

Саламатов исполнил последнюю просьбу князя. Он увез его на Чувал, где еще сохранились каменные боги остяцких племен. Там собралось все население Каменного Пояса почтить умирающего князя. Потом старика повезли обратно в село. Он верил в своих богов, но хотел обезопасить себя и от мести христианского бога.

¹⁰ Здесь и далее в романе стихи и песни автора.

Последний остяцкий князь вынес и это путешествие, но уже не мог говорить. Однако он чувствовал отсутствие Саламатова, и тому пришлось все время быть с ним. Сразу после причастия князь умер. Его похоронили на сельском погосте. И среди провожавших гроб, может быть, больше всех скорбели об умершем два человека – маленький Сережка Нестеров и комиссар Саламатов.

Дом князя разобрали на дрова для сельсовета. Бумаги, найденные в доме, передали в музей. Остяки откочевали обратно за Пояс. Саламатов снабдил их еще продовольствием и мануфактурой со складов, захваченных на Печоре у белых.

На всю жизнь запомнился Сергею Нестерову старый остяцкий князь. Мальчик вырос, и тем занимательней становилась для него жизнь. Но он то и дело возвращался к воспоминаниям детства, хотя бы потому, что долго еще рядом с ним был Саламатов.

Итак, в Красногорске его ждут Варя и старый друг. А это уж не так мало.

Глава третья

*Орлам случается и ниже кур спускаться.
Но курам никогда до облак не подняться.*

И.А. Крылов

1

Преодолевая последние полтора километра до Красногорска на разбитой грузовой автомашине, которая раскачивалась и словно плыла по грязной осенней дороге, кое-где уже затянутой ледком, Сергей вспоминал прощание с Варей перед разлукой.

Может быть, знакомая дорога, звонкий осенний ветер, похрустывание ледка на мягкой еще грязи да надсадное хрипение старого мотора напомнили ему эту разлуку. Тогда так же хрипел мотор машины, только шла она на запад, увозя его все дальше и дальше, а Варя все бежала вслед, пытаясь догнать и сказать еще что-то, чего не успела или не посмела вымолвить при прощании.

Полтора года разлуки... И вот он встретит Варю все в том же глухом лесном городке...

Когда машина остановилась возле большого деревянного дома экспедиции, собралась, как бывало и раньше, толпа встречающих: очень уж редки были новости в этом маленьком городке. Сергей не вдруг узнал Варю в этой толпе. Стоя в кузове, он оглядывал людей взволнованно и недоверчиво, как бывает, когда старые впечатления с трудом пробиваются сквозь многослойные отложения новых, нанесенных временем в неверном течении памяти. Варя, увидев его, вскрикнула, протягивая к нему руки, не таясь в чувствах, не пряча их. А ведь было время, когда она ото всех скрывала свою любовь, чтобы кто-нибудь не заподозрил ее в легкомыслии. Он спрыгнул с машины и прижал Варю к себе.

Она стояла перед ним одухотворенная, освещенная изнутри ясной радостью, но в то же время в ней проглядывал облик строгой руководительницы, какой она оставалась во все время их знакомства. Она, не сказав ни слова, уже допрашивала с пристрастием, одним только взглядом, как он жил, что он успел сделать, и он весь подобрался, чтобы точно и правдиво ответить ей.

Варя всегда считала, что призвана вести его по большой дороге жизни, а он подчинялся ей, только изредка позволяя себе легкую усмешку, когда Варя пыталась руководить и там, где ей самой дорога была неясна. Но он прощал ей эту самоуверенность, справедливо или нет, но полагая, что именно в силу подчинения одной из сторон любовь и бывает счастливой.

– Сережа! Приехал! – медленно проговорила она, и столько восторга и любви прозвучало в ее голосе, что она и сама смутилась, боясь взглянуть на посторонних зрителей. Он держал ее холодные руки в своих руках и не мог сказать ни слова, только вглядывался в это милое, дорогое ему лицо.

– Совсем? Навсегда? – все с той же непосредственностью первой встречи спросила она и вдруг осеклась. В толпе, окружавшей машину, стояли женщины да дети. Лица их были тусклы, губы сжаты, словно они, увидев, что их близких нет среди пассажиров, решили остаться здесь и ждать, ждать, ждать, пока не придет та главная машина, на которой приедут наконец и к ним...

На них глядели глаза с такой нечеловеческой тоской и укором, что Варя, схватив Сергея за руку, испуганно прошептала: «Идем! Идем!» – и быстро повлекла за собой в широко рас-

пахнутые двери, словно боялась, что кто-то остановит его, задержит и он снова исчезнет на долгие месяцы.

Сергей шел следом, чувствуя себя ребенком, который наконец-то нашел ласковую руку, под защиту которой можно отдаться.

Оказавшись в большой передней нового, перед самым отъездом Сергея заселенного дома, Варя облегченно вздохнула, словно только тут почувствовала себя в безопасности, и, оглянувшись на Сергея, вдруг прижалась к нему и мягко прикоснулась к его губам своими. Тело ее как-то сразу обесилело, и Сергей обнял ее, боясь, что она сейчас выскользнет из его рук и упадет. Но она уже справилась со своим внезапным волнением, осторожно высвободилась из объятий, тихо, извиняющимся тоном сказала:

– Подожди минутку, я только уберусь немного! Я ведь тебя не ждала сегодня! – смутилась, должно быть вспомнив, какой в ее комнате беспорядок, и взбежала по лестнице на второй этаж. Там она перегнулась через перила и крикнула ликующим голосом: – Я тебя позову! – И исчезла.

Нестеров остался один. Некоторое время он разглядывал большую двухсветную комнату – переднюю, в которую выходили двери жилых помещений первого и второго этажей, заставленную большими деревянными ящиками с коллекциями проб. Потом с удивлением заметил, что в передней царит полный беспорядок. Деревянные ящики с образцами пород стоят среди комнаты, чемоданы сложены горкой у стены, переметные мешки навалены беспорядочной грудой поближе к дверям. Похоже, что здесь все подготовлено к отъезду...

В эту минуту отворилась дверь черного хода и две девушки внесли еще ящик и поставили его у стены, одну из них, коллектора Юлю Певцову, он узнал. Вторая девушка, в ватнике и штанах, присела на ящик, отирая пот, и сказала, выговаривая слова с открытым «а»:

– Не сильна я в литературе, никак не могу вспомнить, какому это гордецу бог приказал в наказание камни ворочать. Только и мне та же доля досталась. Узнать бы хоть – за что?

Юля сердито сказала:

– Глупости ты, Даша, говоришь! То называлось сизифов труд. А наш труд героический!

– Подумаешь, камень...

– Ничему ты у нас не научилась, – насмешливо сказала Юля. – Оставалась бы уж лучше лесорубом. Ну зачем ты к нам перешла? За женихом погналась?

– Перестань! – сердито крикнула девушка. Потом медленно повторила: – Лесорубом... Много ты знаешь о лесорубах! – И сказала так проникновенно, что у Нестерова невольно защемило сердце: – Ты знаешь, как страшно убивать деревья? Режешь, режешь его лучковой пилой, а оно стонет, дрожит, потом упадет и вытянется, как солдат. Я столько смертей видела, пока уходила из Минска, что до сих пор опомниться не могу. Вот и в лесу... Опять стала о смерти думать. Лучше уж камни ворочать...

Нестеров кашлянул, и девушки оглянулись. Юля наклонилась вперед, чтобы разглядеть, кто стоит здесь.

– Сергей Николаевич?

– Я, Юленька, я...

Девушка подбежала к нему, протянула руку, потом быстро и крепко поцеловала в губы. В это время Варя показалась на лестнице и, смеясь, сказала:

– Ничего, ничего, Сережа, в такой день не грешно и поцеловаться. А вот Дашу не целуй, у нее жених есть. Ревнивый. Да ты и сам его знаешь... Лукомцев...

Нестеров протянул Даше руку и весело сказал:

– Ну, если Лукомцев, то поздравляю. Он чудесный парень!

– Чудесный? – Тут девушка вспыхнула и сердито сказала: – Да что он мне! Это же они все смеются...

Но Варя подала какой-то таинственный знак подругам, и девушки исчезли, только их смех еще слышался где-то в дальних комнатах. Варя взяла Сергея под руку и повела наверх.

– Теперь уже можно!

Они остановились посреди комнаты, и Варя, положив руки на его плечи, пытливо заглянула в глаза.

– Нет, ты совсем не изменился. А я так боялась...

– Почему я должен был измениться? – скрывая легкую горечь, возникшую от ее вопроса, спросил он.

Она не слушала.

– Нет, все-таки изменился. Стал каким-то суровым. Даже голос такой, будто сейчас станешь командовать. И этот шрам... – Она отвела рукой волосы с его лба и погладила шрам кончиками пальцев. – Но это все пройдет! погоди, я тебя буду так беречь, что ты и не заметишь, как выздоровеешь! И, извини, командовать теперь буду я! – Она вдруг закрыла лицо руками и с трогательной тоской, голосом, ставшим глуше и женственнее, сказала: – Как я тебя ждала! Полтора года тоски! И только твои письма, такие короткие-короткие...

Он прижал ее к себе, с трудом дыша от стеснения в груди, словно ему не хватало воздуха. Боясь, что она вот-вот расплачется, он нашел в себе силы пошутить:

– Разве я короткие письма писал? А мой командир все бранился, что я много тебе пишу и мало занимаюсь с людьми. Сам он признавал только телеграфный стиль: «Жив. Здоров. Целую». И жену приучил так же коротко писать.

Она не приняла его шутки. Медленно и нежно касаясь пальцами шрамов на его голове, она повторила как будто про себя:

– Нет, ты все такой же, и я очень рада...

Она ждала чего-то с тихой веселостью, и Сергею стало стыдно, что он еще до сих пор не поцеловал эти милые чуть сморщенные губы, не сказал всех давно найденных и тщательно сохранных в тайниках души слов.

За эти полтора года она стала не то чтобы старше, – для нее еще не существовало постарения, – а умудреннее, женственнее. И опять-таки это было не очень точное определение: прибавился не столько опыт жизни, сколько опыт понимания, рассудительность, умение размышлять. Вероятно, теперь Варя чаще перебирала в памяти разрушенные мечты, нежели сочиняла и загадывала новые. Но это преждевременное взросление сделало ее более нежной, мягкой, и новые эти черты отразились на ее лице особым выражением глаз: они стали темнее и как будто глубже, прорезались первые мельчайшие морщинки у глаз, придавая им выражение горечи и усталости; даже волосы потемнели, и укладывала она их уже не валиком, а стягивала пучком на затылке, словно и в такой малости проявлялись новые черты ее характера – ей не хотелось больше быть красивой и нарядной...

«Но все это вернется к ней!» – подумал Сергей, глядя, как оживают краски на ее лице, как дыхание переполняет грудь. И благодарный судьбе, позволившей им снова встретиться, сжал ее в объятиях, ожидая ее ответного движения, той силы страсти, которая переполняла его. Она ответила на этот поцелуй рассеянно, прислушиваясь к шуму за дверью. Там громко переговаривались девушки, пробегая по коридору. Судя по обрывкам фраз и звону посуды, готовилось праздничное торжество.

– Потом, потом, – сказала она, когда Сергей, огорченный ее холодностью, попытался снова коснуться ее губ. – Когда мы поедем?

Он, слишком взволнованный, чтобы уловить скрытое торжество, которым были переполнены ее слова, недоуменно спросил:

– Куда ты хочешь ехать?

– Как – куда? Конечно, в Москву? Ведь пропуска на возвращение дают даже эвакуированным! А мы все еще числимся в командировке!

Что-то все-таки насторожило его в этом тоне, взволнованном и торжественном, будто она каждым словом прощалась с тем, что окружало ее. Он осторожно сказал:

– Но я приехал работать в экспедиции...

– В экспедиции?

Она протянула это с таким удивлением и даже с недоверием, что Нестеров пожалел, – почему не написал еще из Москвы, чтобы подготовить ее. Теперь все получилось куда труднее. Нестерову вдруг стали понятны и эти сборы, и рассеянность, которая владела Варей, и ее какое-то выжидательное настроение, словно он должен был что-то сделать и все не делал этого, а она и не хотела торопить его и все больше недоумевала и даже начинала сердиться на его недогадливость. Теперь он понял – Варя ждала торжественного заявления, что он приехал только из-за нее и только за нею.

Губы у нее задрожали, словно у ребенка, которого обидели. Она вскинула на Сергея недоуменные глаза, в глубине которых ему сразу померещились слезы. С обидой, с болью она сказала:

– Мы закончили все работы и ждем только разрешения на выезд.

– А алмазы? – тихо спросил он. – Ведь вы не нашли их?

– Неужели ты нам не веришь? Мы с Палеховым обследовали все твои заявки, пересмотрели сотни кубометров породы, каждую песчинку чуть ли не под лунной рассматривали... – Она вдруг пристально взглядела в его лицо, отклонилась назад, провела рукой по лбу и медленно отступила к окну. – Неужели ты хочешь сказать, что мы должны остаться здесь еще? По твоей просьбе экспедицию задержали? Так? Да?

– Да, – признался он.

– Зачем? – сурово спросила она.

– Я находил здесь алмазы!

– Я не спорю, может быть, они и есть, но они перемыты морями и реками древних времен и разбросаны так, что их нельзя даже обнаружить, не то что собрать! И из-за такой неосуществимой затеи ты задерживаешь здесь сотни людей, которые нужны в другом месте?

– Это не затея, а необходимость, Варя!

Он вынул из кармана пакет, адресованный ей и Палехову. Она машинально вертела пакет в длинных пальцах и не глядела на него. Ей, как видно, хотелось еще что-то сказать, но в его голосе, когда он заявил, что это необходимость, было нечто такое, против чего она побоялась протестовать.

– А я-то думала... – медленно начала было она и тут же разорвала пакет. Развернула предписание, присела на стул и прочитала, стягивая свободной рукой у горла кончики косынки, словно ей стало холодно.

– Что же ты думала? – спросил он.

– Поговорим потом, – вдруг став совсем спокойной, ответила Варя. – Ты еще ничего не ел, а там ждут к столу, готовятся к встрече. Так, значит, ты снова старший геолог? – И, словно отвечая себе, решила: – Нет, это небольшой чин... Я бы не согласилась на такой.

Он смутился, тем более что вспомнил, как она гордилась в письмах его храбростью, подвигами и даже ранениями, считая, что теперь перед ним, орденоносцем, командиром, открыты все пути, везде нужны деятельные, активные люди и что все прочие должны это понимать. Тогда его не столько рассердило, сколько рассмешило письмо – на фронте и в госпитале подобного рода высказывания звучали совсем по-другому. И вот вдруг опять: «Нет, это небольшой чин... Я бы не согласилась на такой».

Но он не успел и слова сказать, как Варя встала и вышла, громко крикнув за дверь:

– Девушки, поздравляю вас с новым старшим геологом!

Сергей поморщился, не такой он ждал встречи. А впрочем, что же, у Вари есть некоторые основания огорчаться. Привезенный им приказ задержит их еще на год. И хорошо, если только на год, – это Варя поняла сразу же. Но зачем же теряться и отчаиваться?

Он утешил себя, однако, тем, что теперь времени впереди много: часы, дни, недели, – со временем Варя все же поймет, какое почетное задание дано ему, и, поняв, примет это задание с такой же готовностью, как если бы оно было дано ей.

Он вышел из комнаты, и в ту же минуту раздался удар гонга, призывавшего на обед.

Все-таки прекрасное это ощущение – вернуться в родной дом, к своим привычкам, к своим друзьям. Досадно только, что до сих пор не пришел Палехов. Неужели он все еще не знает о приезде Нестерова? «А может быть, он чем-нибудь занят?» – подумал Сергей с волнением, прислушиваясь к чуть надтреснутому бою гонга, – когда-то он сам придумал повесить в столовой этот старый медный таз и тремя ударами в него созывать работников экспедиции к столу. Эта мелочь как-то по-родственному соединяла их всех в одну семью...

Но смутное ощущение беспокойства не проходило.

2

Во время обеда все были веселы, но Сергею так и не пришлось поговорить с Варей: его неожиданно вызвал к себе Саламатов.

Сергей шел по главной улице Красногорска и думал, что вот каждый раз он вновь и вновь переживает возникновение этого городка «из тьмы лесов, из топи блат».

Город действительно вырос на глазах Нестерова, и от сознания того, что он сверстник города, даже старше его, Сергей всегда испытывал чувство некоторой гордости.

Бетонное здание, вместившее в свои огромные крылья сложные цехи целлюлозного производства, раскинулось среди песчаной, потемневшей от осенних дождей пустыни, где редко-редко росли деревья – остатки прежней пармы. Река, уже покрытая у берегов синеватым льдом, была забита черневшими стволами сплавного леса. Тяжелый хлорный дым клубами соскальзывал с низкого и темного неба, временами затрудняя дыхание. Потом ветер отклонял дым в сторону. Пахло свежераспиленной древесиной; ее запах напоминал запах яблок. Голенастые лопари и помосты самотасок¹¹, казалось, задумчиво стояли над самой рекой, решая, шагнуть им в холодную воду или подождать.

Неторопливые, как подобает людям, знающим свое мастерство, рабочие внимательно оглядывали приезжего. Нестеров с таким же любопытством рассматривал их, надеясь увидеть кого-нибудь из своих сверстников, которые, уйдя из деревни на комбинат, стали теперь здесь знатными мастерами.

А людям здесь было чем гордиться! Красногорский комбинат выпускал лучшую в стране бумагу. Книги больших писателей выходили на этой белой, глянцевой, плотной и крепкой бумаге. Снабженцы и представители разных организаций давно уже проторили сюда дороги со всех концов страны, и имена красногорских бумажников с почтением произносятся в дальних местах Союза.

А давно ли в этом краю бывали зимние сборы на охоту, когда Нестеров отвозил свой охотничий скарб к Каменному Поясу, пересекая по неприметным тропам застывшие болота и тихие леса и разыскивая лесную избушку, отмеченную тамгой – треугольником, высеченным топором на каждом бревне, а также и на любой вещи, что хранилась там? Но теперь он не мог бы отыскать даже место, где стояла эта избушка. Он помнил только, что была она рядом с рекой влево от Красных гор, значит, где-то вот именно здесь, где теперь стоит цех целлюлозы, а может быть, и там, где возвышается трехэтажная школа – одно из немногочисленных каменных зданий этого деревянного городка.

Окинув еще раз взглядом город – его двухэтажные чистые, светлые дома, в окнах которых уже кое-где горело электричество, – и приметив присущие всем новым городам особенные уют и чистоту, он вошел в здание райкома.

Вестибюль двухэтажного здания был заставлен растениями. Тут были филодендроны, кактусы, пальмы, хвощевидные лианы и толстоствольные рицинии, и от всего этого здание больше походило на зимний сад, чем на учреждение.

Нестерова всегда поражало обилие цветов с экзотическими названиями в этом северном городке. Цветы повелись из цехов комбината, где их держали и разводили для сохранения определенной влажности воздуха. На зимний сад был похож и цех, где фальцевалась, резалась и упаковывалась бумага. С фабрики цветы перешли во все учреждения, в дома, даже в соседние деревни, придавая южный облик городу, по полугоду утопающему в снегах.

Постучав и услышав приглашение, Нестеров вошел в кабинет.

¹¹ Лопари и самотаски – подъемные механизмы для выкатки леса из воды.

Каждый раз при встрече с Саламатовым он испытывал то доброе чувство возвращения, какое бывает, когда приходишь после долгого отсутствия в родной дом. И всегда внимательно рассматривал он Саламатова, словно его старый друг был зеркалом тех изменений, что произошли в нем самом. Так и сейчас Нестеров остановился на пороге, приглядываясь к секретарю.

В светлом кругу, отброшенном настольной лампой, сидел узкоплечий пожилой человек. На его тонком и длинном носу были все те же старинные очки в никелевой овальной оправе. Под пиджаком черная косоворотка. Спокойные руки с темными выпуклыми венами лежали на столе. Он встал, закрывая книгу. Нестеров невольно обратил внимание на название книги. Это был учебник английского языка. Рядом лежала тетрадка, на ее странице еще просыхали чернила очередного урока.

Саламатов занимается английским! Нестеров чуть не поднял руку, чтобы протереть глаза. Впрочем, Саламатов так часто удивлял его, что и на этот раз следовало не удивляться, а сделать для себя поучительные выводы.

Саламатов молча обнял Сергея. Так, обнявшись, они постояли несколько секунд, приглядываясь друг к другу и как бы прислушиваясь к своему волнению.

– Ну, урок мы сегодня отложим, – сказал Саламатов, склоняясь к столу и пряча глаза, в которых появился влажный блеск. – В гости я приглашу тебя завтра, а сегодня будем разговаривать до двенадцати часов ночи.

– Почему до двенадцати? – спросил Нестеров.

– В двенадцать дают связь по телефону с областью. Несгораемый шкаф с делами домой не унесешь, вот и приходится дежурить. Хорошо еще, английский выручает.

– Зачем тебе английский? – с улыбкой спросил Нестеров.

– А как же, чудак? Вот победим немца, будем по заграницам разъезжать – понадобится! Экск'юз ми, мистер, ду ю спик инглиш? О гуд, вери гуд. Ай эм спикинг!¹² – с хитрой усмешкой проговорил он.

– А он на тебя с пистолетом, – еще более хитро усмехнулся Нестеров. – Ах, вы приехали к нам агитировать за коммунизм? Пожалуйте в полицию!

– Ну, я думаю, не сразу же они за пистолеты возьмутся? – с сомнением сказал Саламатов, поглядывая на Нестерова. – Или у тебя к этому есть основания?

Нестеров вспомнил рассказ Бушуева и нехотя ответил:

– К сожалению, есть... – но объясняться не стал.

Зазвонил телефон, и Саламатов поднял трубку.

По-видимому, передавали что-то тревожное, так как лицо Саламатова сразу стало озабоченным.

– Как это есть нечего? – спросил Саламатов. – Кому? Да говори толком! – Он помолчал немного и резко произнес: – Слушай ты, пушной король, твои фабрики должны прокормить не только охотников, но и лесорубов... А вот так! Скоро начнем рубить дома для Сталинграда, заготавливать ложевую болванку для оружейных заводов, и всех рабочих придется прикрепить на снабжение к тебе... Ну и что же, что война? – перебил он собеседника, должно быть запрото-тестовавшего. – Хозяйство не должно рушиться из-за твоей нераспорядительности. Собери колхозников, объясни им положение, они санями доставят то, что ты во льду оставил. Вон и Иляшев на тебя жалуется – не даешь муку на подкормку зверей... Что? Что? Ну, мой дорогой, это уж ты глупости говоришь, – от нас самих зависит, чтобы жизнь шла по-прежнему... – и положил трубку.

Вошла девушка-секретарь и включила верхний свет. Кабинет наполнился причудливыми тенями растений, которые, возвышаясь из кадок, корчаг и горшков, населяли все уголки. Только витрины у одной стены да многочисленные шкафы с образцами руд и минералов были

¹² Простите, господин, вы говорите по-английски? Очень хорошо. Я говорю! (англ.)

свободны от теней и выступали в резком электрическом свете, являя глазу знатока интересную картину богатств района. На этой своеобразной выставке было представлено все, что добывалось, производилось и должно было разрабатываться на территории района. Саламатов показал рукой на шкаф, в котором хранились собранные в прошлую экспедицию коллекции Нестерова, и спросил:

– Ну как, найдем алмазы?

– Найти необходимо! И на этот-то раз обязательно найдем!

– А вот Варвара Михайловна утверждает, что мы ошибаемся: нет здесь алмазов, – хмуро сказал Саламатов. – Алмазы, говорит, только в Африке водятся...

– Варя? – переспросил Нестеров, чувствуя стеснение в груди. Как ему хотелось, чтобы она не говорила этого! Но Саламатов безжалостно ответил:

– Палехов говорит – она доказывает; он поет – она подпевает.

Да, не это хотел бы слышать Нестеров. Куда легче было бы узнать, что она изнемогла в борьбе, ратуя за его дело. Но острые глаза Саламатова впились в Нестерова, и тот невольно покраснел.

– Так-то вот, – проговорил Саламатов. – Что же ты скажешь?

– Начнем сначала, – принужденно усмехнулся Сергей. – Я читал твои письма в комитете. А насчет Африки что же говорить? И там семь лет искали, прежде чем открыли промышленные копи. В комитете меня тоже Африкой упрекали, а я им прямо на твой угол указал – вот где алмазы, и не африканские, желтые, не бразильские, голубые, а чистейшей воды, наши алмазы, уральские, и не через семь лет, а в ближайшее время.

– Хорош угол, – с обидой сказал Саламатов. – В этом углу вся Бельгия со Швейцарией поместятся, да еще останется кусочек для княжества Люксембургского... Когда же начнешь?

– Как можно скорее.

– Зима наступает. Ты забыл об этом?

– Но ведь зимой война не прекращается?

– Война-то не прекращается...

Они помолчали, и каждый подумал о войне так, как представлял ее себе. Саламатов увидел в призрачной дымке огромные поля сражений, где сходились в атаке танковые колонны, сотрясая землю тяжелой поступью, а Нестеров увидел рыбацкую слободку с сожженными домиками и подумал о том, покинул его батальон Зеленый переулок или все еще держит в руках, не пуская немцев к Волге.

Неожиданно для себя он сказал Саламатову:

– Привет тебе от генерал-майора Бушуева.

– От Бушуева? От Миши Бушуева?

Нестеров рассмеялся: так странно показалось ему, что генерала, которому Комитет Обороны поручил один из ответственных постов по вооружению армии, которого Главная ставка направляла в самые тяжелые дни на главные участки фронта, можно называть Мишей. Но Саламатов горел от нетерпения. Он жаждал подробностей о нем, а Нестеров их не знал: женат ли генерал, есть ли у него дети и сколько у него орденов?

Досадуя, что Сергей так мало знает о его старинном друге, Саламатов сам стал рассказывать о нем. Бушуев был в гражданскую самым смелым бойцом в его отряде, солдатом с выдумкой, с лихостью, который делает все, что приказано командиром, да еще чуть-чуть побольше. Потом он учился на курсах красных командиров, затем служил в армии; иногда они встречались друг с другом. Последние же годы Бушуев ведал вопросами артиллерийского вооружения и служил военпредом на крупнейшем артиллерийском заводе.

– Так вот он где теперь! Хорошо идет! – восхищенно воскликнул Саламатов и даже с некоторой грустью оглядел свой неприхотливый кабинет. Потом, покачив головой, сказал: – А и наше дело тоже нужное. Так ведь, Сергей?

Это Нестеров мог подтвердить. Он хотел бы для своего друга самых ответственных постов, зная, что тот справится с любыми сложными делами. И от всей души сказал:

– Ничего, Игнатий Петрович, мы еще будем перестраивать мир!

– А что же, думаешь, я напрасно английский учу? – с усмешкой сказал Саламатов и пристально посмотрел на него. – Мне еще пятидесяти нет, а вон в Англии, – подмигнул он, – только после пятидесяти начинают всерьез заниматься государственными делами.

Подошел к карте Красногорского района, висевшей над витринами, посмотрел на нее испытующе и сказал:

– Вот проведем сюда железную дорогу, откроем все девяносто – или сколько их там? – элементов менделеевской таблицы, начнем их разработку, построим еще не один город в тайге – и можно мне будет умирать спокойно. Памятник мне, конечно, не поставят, но думается люди вспоминать будут добром, как тебе кажется, Сергей?

– Будут, будут!

– Ну, пусть вспоминают, что жил-де вот такой человек Игнатий Саламатов, – больших дел не сделал, но, однако, строил города, проводил дороги, открывал новые заводы, маленькие-маленькие! – грустно улыбаясь, пояснил он, показывая при этом рукой, до чего же они маленькие. – Одним словом, трудился, помогал государству побеждать врага и обогащаться.

Сергей вспомнил, что всю дорогу видел удивительные грузы, которые везли на машинах и лошадях по красногорской трассе к железной дороге. Везли свинцовую руду – в районе открыт рудник. В стандартной таре везли гранаты – их делали при комбинате, в механических мастерских. Горами навалены были на других подводах лыжи – новый цех открыли деревообделочники. Так поясняли Сергею его случайные попутчики, – и фамилия Саламатова не сходила у них с уст, потому что все, чего бы ни коснулась речь в этом слабо населенном районе, связывалось немедленно с райкомом партии и с именем Саламатова.

– Да, мы еще успеем сделать много дел! – проговорил Нестеров.

– Вот и хорошо, – весело сказал Саламатов. – Скажи, пожалуйста, как ты будешь делать то дело, что тебе поручили? Какой выберешь маршрут? Ведь многие ходили, а все попусту.

Нестеров рассматривал витрину экспедиции сорок первого года. Он указал Саламатову на три маленьких кристаллика алмазов, что лежали среди кварцев. Это были добросовестно подобранные копии из стекла, настоящие алмазы давно уже трудились где-то на производстве, обрабатывая сверхтвердые военные сплавы.

– А эти алмазы помнишь? – спросил Нестеров. – Я нашел их на нижнем течении Нима. Значит, надо искать ультраосновные породы. Они где-то здесь.

Он взял указку и отчеркнул резким жестом весь северный участок течения реки.

– Ты уже один раз там обжегся, – надо ли повторять?

– Надо, – сухо сказал Нестеров. – Надо, и не один раз, а десять, двадцать, сто, пока не обнаружим камни. Надо искать и найти древнюю реку, которая текла когда-то вместо этой реки, – алмазы в ее наносах.

– Ну что ж, ни пуха тебе, ни пера! – ответил Саламатов старым присловьем охотников и добытчиков.

Близко к полуночи вышел Нестеров от секретаря. Тот остался передавать очередную сводку в область. В ней было и количество бумаги, выпущенной на комбинате за день, и сумма подписки на денежно-вещевую лотерею, и рапорт об окончании вспашки под зябь, и еще многое другое, чего Нестеров уже не стал слушать. Он торопился домой, к Варе.

Охваченный волнением, вошел он в дом. Еще в письмах они условились, что день его возвращения будет днем их свадьбы, началом радостной жизни вдвоем.

Он распахнул дверь в комнату и остановился на пороге.

Варя сидела у стола в обычной своей позе, опустив подбородок на сжатый кулачок, и глядела на дверь, ожидая его. Сергей подошел к ней.

Все спало. Только поскрипывали полы жарко натопленного дома. За стенами не слышалось движения. Сергей наклонился к Варе, прижался горячим лбом к ее прохладной узкой руке.

– Ах, Варенька, как я ждал этого часа!

– Я тоже, – тихо ответила она.

– Больше мы никогда не будем расставаться надолго!

– Да...

Он удивился тому, что не было в ней ни радости, ни нежности. Она говорила робко и как-то принужденно, лишь отвечая ему. Ничего еще не понимая, он огляделся и вдруг увидел, что комната ее пуста. Стояли только кровать, застланная его солдатским одеялом, чемодан у стены, раскрытый и словно зевающий от долгой дорожной тоски, да столик у окна, на котором виднелась коробка с табаком и лежали нарезанная для самокруток бумага и спички. На спинке кровати висело полотенце. И все.

Исчезли все Варини вещи. Варя перешла жить куда-то в другое место, и то, что он застал ее здесь, – по-видимому, только ненужная попытка объясниться...

Варя уловила удивленный взгляд Сергея, посмотрела на него снизу вверх и робко сказала, еще не найдя того тона, которого можно держаться, не оскорбляя его:

– Я думала, тебе здесь будет удобнее. Я пока перешла к девушкам...

Он уже справился с волнением и ждал объяснений. Каприз ли это, естественная ли боязнь первого сближения, которое всеми хитростями отдалает девушка, или тут что-то другое?

– Да, мне будет удобно, – спокойно согласился он.

– Ты не обижаешься? – все так же робко спросила она.

Это было чем-то новым в их отношениях. Должно быть, она стыдилась своего поступка.

– За что же? – удивился он.

– Мы так ждали, но...

– Да, мы ждали...

Ему стало жаль ее. Не лучше ли прекратить этот разговор? Пусть Варя уйдет в полной уверенности, что она права. Пусть не думает больше о нем. Но она поднялась на ноги и почти с отчаянием крикнула:

– Нет! Так мы никогда не поймем друг друга! Понимаешь ли ты, что я ждала тебя как избавителя?

Теперь и в нем закипел гнев, он не хотел жалеть ее. Каждое ее слово оскорбляло, каждый жест поражал самое дорогое – его чувство.

– Не понимаю, о чем ты говоришь! – сдерживаясь, ответил он.

– Ну зачем ты приехал сюда? Ты мог вызвать меня в Москву. Ты заслужил право на отдых. Неужели тебе не надоело вечно блуждать по медвежьим углам? Я думала, война излечила тебя от романтики. Я думала, что у нас будет свой дом, уют, счастье, покой, все это ты заслужил, а я – ну что же, смейся! – я думала, что заслуживаю этого хотя бы своей любовью! Или нет?

– Ты думаешь, что я уже заслужил?

Он взял ее руки. Пальцы были холодные и бессильные. Да, не такой встречи он ждал... Но мог ли он оставить ее в состоянии этого беспокойного волнения?

– Подумай сама, Варя, – тихо сказал он. – Ведь война еще не кончилась... Я снял военную форму, но я солдат. И разве так уж страшно стать женой солдата? – С умоляющей улыбкой он притянул ее к себе.

– А Москва? А семья? Ведь жизнь уходит...

– Догоним, Варенька. Семья – это мы. А в Москву мы еще успеем поехать.

– Я не могу больше ждать!

Она высвободила руки, закрыла лицо и выбежала из комнаты.

Всю ночь он провел в томительном оцепенении и раздумье, но оно не могло дать ему больше того, что он уже понял.

Глава четвертая

Осторожность – лучшая часть храбрости...
В. Шекспир

1

Рано утром Сергея вызвал начальник экспедиции Палехов. Спускаясь по лестнице, Нестеров услышал сухой и нервный голос Суслова:

– Ну что же, счастлива?

– Оставь, – ответила Варя так глухо, что Нестеров невольно остановился.

– Когда же свадьба?

Послышались быстрые шаги Вари.

Нестеров переждал несколько секунд и, прижав руку к сердцу, стал снова спускаться с лестницы.

Суслов стоял в коридоре, медленно свертывая папиросу, и глядел вслед Варе. И то, какими глазами смотрел он, как рассыпал табак из дрожащей в пальцах бумажки, поразило Нестерова больше, чем его злой вопрос и молчание Вари.

Невысокого роста, ловкий и весь подобранный, в хорошем костюме, Суслов показался Сергею уверенным и красивым, и он невольно сравнил себя с ним – свою худую фигуру с опущенными плечами и непривычный, плохо сидящий на нем штатский костюм.

Суслов полуобернулся к нему и, бледнея, сказал:

– А, алмазник! С прибытием!

– Спасибо.

– Ну как, шкура цела? Так-так. Слышали о ваших подвигах. Теперь, наверно, презираете нас, штатских?

– Зачем же, сам таким стал! – с трудом сдерживаясь, ответил Нестеров и быстро прошел мимо.

Закрывая дверь, он не удержался и оглянулся. Суслов все стоял на том же месте, так и не закулив, серые глаза его были прищурены, и Нестерову на мгновение показался в них отблеск той же муки, что всю ночь сжигала и его. Маленькие руки Суслова с тонкими пальцами неукротимо двигались, вот они смяли папироску и отшвырнули ее. Суслов резко повернулся к двери, и еще раз их глаза встретились. Нестеров прикрыл дверь и медленно пошел по пустынной улице.

Шумливая толпа на площади возле городского парка привлекла его внимание. Обрадованный, что можно отвлечься от неотвязных дум, Нестеров свернул к парку.

За ночь выпал первый снег. Он лежал на талой земле, песок размяк под ним, и ноги оставляли глубокий отпечаток. Сергей заметил на этом разбитом следами снегу странную ископоть, как если бы большой зверь прошел по улице и свернул к парку. Люди, собравшиеся у ворот, прошли по площади, осторожно минуя эти черные, глубоко взрытые следы.

Все, что могло бы заглушить горечь, Нестеров согласен был принять как чудо. И он не спеша подходил к парку. Изгородь была повалена. На заснеженном лугу парка, где сторож поставил стог сена для своих коз, лежали маленький лосенок и лосиха с покрытыми кровью боками.

Очевидцы сотый раз уже повторяли историю о том, как они увидели на главной улице городка лосиху с лосенком, которые, по-видимому отбившись от волчьей стаи, бежали, роняя клочья пены. Лосенок отставал от матери, и мать звала его тонким, жалобным голосом. Люди

бросились следом за ними. Лосиха перемахнула из последних сил через высокую изгородь парка, а лосенок остался на другой стороне, жалобно мыча.

Передохнув, лосиха ударила широким лбом под низ изгороди, и столбы повалились. Так она делала и прежде, пробираясь к огороженным зародам¹³ сена. Лосенок перешагнул тоненькими ножками через поваленные столбы и прижался к матери. Теперь они лежали возле стога и мирно жевали. Ослабевший зверь только дико озирался на людей, которые стояли около изгороди и не переступали через нее, словно то была заветная черта, за которой, собственно, и начиналось чудо. Толпа с любопытством глядела на животных. Тут же стоял и Нестеров, ожидая, чем же все это кончится.

Неожиданно раздался топот конских копыт и из переулка выскочил вислоухий, длинношерстый конек, как из сказки «Конек-Горбунок». На коньке – старик с темным скуластым лицом и острыми глазами, поверх короткого зипуна надет безрукавный лузан¹⁴, на ногах меховые унты. За спиной его на широких ремнях – берестяной пестерь¹⁵. Старик пригляделся к толпе, чмокнул губами, заметив лосиху с лосенком, и решительно направил конька в толпу. Люди подались перед коньком, почтительно приветствуя старика.

Кто-то пояснил недоумевающему Нестерову:

– Хозяин Красных гор.

Только теперь Нестеров узнал в старике остяка Иляшева. Его прозвали Хозяином Красных гор с того времени, как правительственная комиссия по рекомендации Саламатова присвоила ему звание хранителя заповедника. Вот так же приехал он тогда в город на своем вислоухом коньке и явился в комиссию. Старик привез в своем пестере подробный план устройства загонов, вольер и пастбищ, начертанный углем на бересте. Рассмотрев составленную комиссией карту заповедника, он забраковал границы и посоветовал переместить центр – охотоведческую станцию – к Красным горам, где в малодоступных ущельях легче сохранить зверя.

Иляшеву дали трех биологов, построили в заповеднике научную станцию и домик для сотрудников, но сам старик остался жить все же в своем берестяном чуме. Письменные дела вел старший сотрудник научной станции, а Иляшев следил за зверями.

В первый год войны Иляшев заметил много пришлого зверя. Хозяйство старика стало быстро расти, питомцы плодились и расселялись не только в пределах заповедника, но и в соседних лесных дачах. Иляшев даже хвастался, что всех своих зверей знает по фамилиям.

Когда он вызвал лучших охотников района и произвел первый отстрел пушного зверя, – оказалось, что заповедник дает государству изрядный доход.

Красные горы находятся в двадцати километрах от города. Это три массивные скалы из красноватого песчаника, видимые со всех почти точек района. За горами сразу же начинаются отроги главного хребта. На этом пустынном участке, ограниченном с севера рекой, а с юга так называемыми Размытыми горами, и разместилось огромное хозяйство Иляшева.

В нескольких лощинах были построены вольеры для молодняка. Звери приходили сюда на прикормку и заселяли звериный городок. Остяк обходил его ежедневно, радуясь приплоду, подбирая для лучших самцов чистопородных самочек, отлавливая их для присадки. Старший научный сотрудник обучил старика некоторым методам ведения охотничьего хозяйства, но больше сам учился у охотника: только один Иляшев из всех охотников района умел подзывать к себе дикого зверя, разговаривая с ним так, что зверь не пугался человеческого голоса.

Браконьеры не осмеливались пересечь границ заповедника. Старик словно особым чутьем узнавал о появлении нарушителей. Иляшев бегал на лыжах лучше любого спортсмена. При встрече с ним браконьер просто отдавал ружье, потому что при первой попытке к сопро-

¹³ Зарод – четырехугольный стог.

¹⁴ Лузан – кожный или суконный наплечник, подобие панциря.

¹⁵ Пестерь – заплочный короб овальной формы.

тивлению старик стрелял разрывной пулей «жакан» в приклад ружья и дробил его вдребезги. Противиться же ему без ружья никто не мог.

Говорили, что однажды его пытались подкараулить в лесу, но он вышел прямо на засаду и тут же своим волшебством отвел глаза ожидавшим его людям. Они видели, как он остановился под дулами их ружей, слышали, как он крикнул им страшным голосом: «Стреляйте!» – и превратился в сухое дерево. Пока злоумышленники, еще не разобравшись в том, что произошло, расстреливали сушину, охотник подобрался к ним сзади и всадил им по заряду беличьей дроби в мягкие места. С той поры браконьеры предпочитали переваливать за легкой добычей на Печору и охотиться в Усть-Ылычском заповеднике.

Филипп Иляшев и сам любил рассказывать, как его слушается всякий зверь. Этим он придавал себе значительность и таинственность, а он любил почтение и требовал его.

Вспоминая все это, Нестеров наблюдал сейчас, с каким безмолвным вниманием зрители ждали первого слова старого охотника.

Иляшеву льстило это уважение толпы. Он нарочито медленно слез с лошади и отпустил ее, бросив поводья ей на шею. Затем он перешагнул через изгородь и тихо пошел к лосихе, которая словно только и ждала его, чуть-чуть приподнимаясь на задних ногах. Иляшев говорил что-то на своем языке тихим и мерным голосом, будто уговаривая лосиху. Потом присел на корточки и протянул лосихе кусок хлеба, вынутый из пестеря. Лосиха обнюхала хлеб. Тогда он протянул хлеб лосенку. Лосенок неумело облизал его и попытался стащить с руки.

Старик говорил долго; он скормил лосихе недельный паек хлеба, голос его становился все мягче и мягче, и лосиха начала отвечать ему каким-то печальным мычаньем, словно жалуясь на злую судьбу, загнавшую ее сюда, где враждебные запахи раздражают ее ноздри, где толпа непонятных и чуждых существ стоит между ней и свободой.

Потом Иляшев встал, снял опояску, обратал ею лосиху, как делают это с коровами, и повел ее за собой. А теленок бежал резвой рысью рядом с матерью и все пытался на ходу поймать ее вымя или догонял старика, чтобы обнюхать его карманы.

Старик шел спокойно и тихо, а чуть позади шли ребятишки, позабывшие о школе, и взрослые, оставившие свои дела. Даже Нестеров, не удержавшись, сделал несколько шагов вслед за ними и только потом вспомнил, что его ждет Палехов.

Старик уже исчез вместе с провожатыми за низкорослыми соснами, красневшими на выезде к заповеднику, а Нестеров все еще стоял и смотрел ему вслед.

2

Палехов жил в гостинице.

Уже эта обособленность начальника от своих подчиненных не понравилась Нестерову. Сам он никогда не отделял себя от них. Ведь все были геологами, занятыми одним делом, и осталось их так мало, что всякое разделение было не что иное, как дробление сил. Добро бы не хватало помещения в том доме, который Нестеров еще задолго до войны получил у районных властей для размещения экспедиции. Уезжая на фронт, он передал Палехову не только дела, но и свою комнату в доме, и все-таки Палехов предпочел отделиться от участников экспедиции. А сколько их? Из тех, кто не ушел на фронт, большинство было еще на полевых работах. Отряд Уварова до сих пор обследовал старые золотые прииски, определяя наличие редких земель – ища стронций и цезий. До сих пор в палатках возле своих буровых скважин жил и отряд Суслова, и лишь один начальник отряда бывал в городе, готовясь к ликвидации работ. Только отряд Меньшиковой прекратил работу и ожидал скорого отъезда, однако Палехов отдалился и от этой группы, хотя она считалась важнейшей в экспедиции. Да что там, он не зашел даже повидаться с Сергеем! Неужели Нестеров, узнав о приезде своего товарища с фронта, не бросился бы к нему поприветствовать и узнать о здоровье, о новостях? Или Палехов беспокоился за свое единовластие? Так ведь Варя передала ему письмо из комитета, в котором ясно сказано, что у Нестерова особое задание, а Палехов обязан по-прежнему заниматься металлическими рудами...

«Ну да бог с ним! И не такую густую кашу расхлебывали!» – подумал Нестеров и зашагал к гостинице.

Начальник встретил Нестерова преувеличенно радостными восклицаниями. Был он толстоват, что никак не шло к геологу и свидетельствовало о том, что он больше времени проводит за столом, чем в поле.

Кинувшись навстречу Нестерову, он потряс его руку жирными, потными руками, потом отбежал и, восхищенно разглядывая его, вскричал:

– Батюшки, орденов-то, орденов! – И Нестеров невольно смутился, так как у него всего и было-то две награды: орден Красного Знамени и орден Красной Звезды. – Жив! А? Вот хорошо-то! А говорили, что ты тяжело ранен... Где это тебя?

– Под Сталинградом, – нехотя ответил Нестеров и принужденно, входя в тон Палехова, добавил: – Но все это пустяки. Гораздо важнее то, что с компасом, боюсь, будет трудно работать, стрелка врать станет, слишком много, говорил мне в госпитале врач, железа внутрь принял...

– И все шутит, все шутит! – восторженно закричал Палехов. – Но знаешь, – заговорил он вдруг проникновенно, – я тобой не очень доволен, нет, не очень! Не бережешь себя, да и с нами не считаешься! Конечно, мы не герои, не воевали, но все-таки надо было подумать и о том, что мы тут уже два года безвыездно просидели! Люди из эвакуации возвращаются, а мы из экспедиции никак не выберемся...

– Ты имеешь в виду новое задание?

– Да, да, да! Прямо скажу – огорошил! Но это, так сказать, мое личное мнение. Комитету, конечно, виднее. Хотя признаться, ума не приложу – что мы тут еще можем найти? А ведь в задании прямо сказано: обратить особое внимание на алмазы и вольфрам... Ну, об этом я еще снесусь с комитетом, а ты-то, ты-то что будешь делать? Знаешь, я думаю, тебе пока следует отдохнуть. Я понимаю, в комитете не знали местных условий, потому и дали тебе это задание...

– Я сам взял его! – жестко сказал Нестеров.

– Ну конечно, конечно, я не спорю, – замахал Палехов короткими руками, словно успокаивая его. – Вот только людей у нас нет, рабочих-то я отпустил, ты уж извини, о твоем приезде

не знал, – несколько язвительно ввернул он, – так что зимние разведки вести все равно не с кем... Ну а весной, глядишь, и надобность в этом отпадет – ведь мы-то свои люди, знаем, что найти алмазы трудно, ох, трудно!

Нестеров работал с Палеховым много лет, никогда между ними никаких ссор не было, но теперь в этом человеке ему все не нравилось. То ли Нестеров подходил нынче к людям с другими мерками и требованиями, то ли сам Палехов за эти полтора года изменился. Во всяком случае, Нестеров знал одно: на фронте он не хотел бы иметь Палехова своим начальником, да и здесь подчиненное положение грозило ему, по-видимому, многими неприятностями.

Он смотрел на Палехова испытующе, так, словно перед ним стоял человек, которого еще предстояло узнать. Палехов заметил это и сбился со своего развязного тона. Вначале он все время перебивал Нестерова, не давая сказать ни слова и как бы подсказывая ему решение, заранее убеждая, что оно придумано совместно, а тут вдруг замолчал и посматривал на Нестерова настороженно, даже чуть испуганно.

– Разведки я начну зимой, – сказал Нестеров.

– Зимой? Не знаю, не знаю... Варвара Михайловна заходила ко мне вчера. Она тоже считает, что надежда на алмазы слабая.

– Не ты ли ей внушил это? – сухо спросил Нестеров.

– Ну, ты скажешь! Она девица взрослая, у нее свое мнение имеется. Да и отдохнуть тебе не мешает.

– Отдохнуть я еще успею.

– Как хочешь, как хочешь, – пробормотал Палехов. – Только я бы не советовал так торопиться. Ты не хуже меня знаешь, сколько времени на эти поиски зря затрачено... Больше ста лет об уральских алмазах говорят, а удачи что-то никому нет...

– А моя заявка на Ниме?

– И я и Варвара Михайловна там искали и ничего не обнаружили. Должно быть, твои находки были случайными.

– А ты все придерживаешься своей теории, что алмазы водятся только в Африке? – с горечью спросил Нестеров.

– Вот именно, вот именно, – с готовностью подтвердил Палехов. – А производить там изыскания мы не уполномочены.

– И по-прежнему повторяешь анекдот о том, как шел джентльмен по берегу реки Оранжевой и набрал полцилиндра алмазов? – не слушая, упрекнул его Нестеров.

– Хотел бы я, чтобы этот анекдот у нас повторился. Выйти бы на Ним и набрать хоть полшапки. Увы! На Ниме и ультраосновные породы встречаются редко.

– Однако на приисках графа Богарова алмазы находили... – не переставал настаивать на своем Нестеров, уже сердясь на себя за то, что пытается доказать что-то человеку, явно не желающему его понимать.

Палехов присвистнул:

– А откуда мы знаем, что там их находили? Может быть, граф просто подсоллил речку бразильскими алмазами, чтобы продать прииск подороже. Ты же сам рассказывал, что он продал его какому-то сенатору...

Оба они знали об этом обычае – «подсаливать» пустую породу. До революции случалось, что промышленник, желая спекулировать мнимой заявкой, не стеснялся выстрелить из ружья в пустую породу заряд-два золотого песка.

Нестеров все еще пытался сдерживаться – неудобно начинать совместную работу ссорой, да еще такую работу, которая будет долгой, – и примирительно сказал:

– Отступись ты, пожалуйста, от этой точки зрения! Нам нельзя зависеть от заграницы. Всему в мире есть заменители, но алмазы ничем заменить нельзя. Их надо найти!

– Ты всегда был увлекающимся человеком, – с досадой сказал Палехов, теряя свое привычное равновесие. – Сам Ферсман отказался от поисков алмазов на Урале! С него было достаточно тех пятидесяти пяти наименований цветных камней, что он собрал здесь за свою жизнь.

– А мы найдем пятьдесят шестой камень! – уже не сдерживаясь, проговорил Нестеров. – Надеюсь, искать-то ты мне не запретишь?

– Ну что ж, ну что ж, – быстро и безразлично пробормотал Палехов. – Делай как знаешь, я в твою область соваться не буду.

Это прозвучало как предупреждение, что и Нестерову не следует вмешиваться в те многочисленные области, где властвует Палехов, что надо ему помнить: он не на войне, все здесь меряется другими мерами.

Уезжая на фронт, Нестеров оставил Палехову довольно обширное наследство. Комплексная экспедиция имела тогда внушительный вид. У геологов было два самолета, с них вели аэромагнитную съемку местности, были радиометрические приборы для определения радиоактивных элементов, были буровые станки для разведки на нефть, вели геологи и гравитационную съемку, определяя строение пород по изменению силы земного притяжения, – известно, что на осадочных породах сила земного притяжения меньше, нежели на массивных, изверженных. В самом деле, у Палехова было много своих забот, так что не стоило понуждать его заниматься еще и алмазами.

Палехов и раньше предпочитал более эффектные дела. Поднявшись на самолете в воздух, увидишь куда больше, чем стоя на земле. Пока Нестеров копался с довольно несовершенными приборами на предполагаемых алмазных месторождениях, Палехов успел сделать полную геофизическую карту района, и тут уж не вина Палехова, если самые совершенные средства разведки показали, что район беден ископаемыми. Обнаруженная при помощи магнитометров железная руда оказалась слабо насыщенным бурым железняком, разрабатывать который в настоящее время не стоило, – его оконтурили и оставили для потомков. Нефть тоже не показывалась, хотя выходы ее были обнаружены задолго до появления экспедиции. Что касается редких элементов, так само название говорит, что встречаются они *редко*...

Нестеров знал пристрастие Палехова к механическим средствам разведки и не мешал ему производить всевозможные эксперименты с ними. Но алмазы с воздуха не обнаружишь, они, как и золото, требуют приложения рук. Так пусть этот «ленивый сундук» не мешает ему...

– Вот и договорились, – хладнокровно заметил Нестеров. – Значит, сегодня вечером соберем производственное совещание. Я сделаю сообщение о новой задаче, а ты благословишь нас.

– Нет уж, благословения я тебе не дам. Вот весной – пожалуйста, а теперь – бери всю ответственность на себя! Да и рабочих, которые рискнули бы пойти на зиму в парму, я думаю, ты все равно не найдешь.

– Посмотрим, – пожал плечами Нестеров. – Завтра зайду в райисполком. Баяндин еще там работает?

– Там, – с неудовольствием ответил Палехов.

И Нестеров понял, что председатель райисполкома, как и Саламатов, против свертывания работ экспедиции Палехова.

– Ну и прекрасно, Баяндин никогда еще не подводил нас! – уверенно сказал Нестеров.

Он торопливо попрощался и вышел. Сергей был уже в коридоре, когда Палехов открыл дверь и крикнул вслед:

– Тут Суслов просит прикрепить Меньшикову к его отряду. Он торопится закончить с разведками руды. Как, ты не против?

Нестеров остановился. Лицо Палехова ничего не выражало, кроме готовности поступить так, как захочет Нестеров. Теперь, когда Нестеров назначен начальником отряда, Варя и в

самом деле может уйти. Но зачем было Палехову говорить об этом? Ведь он же знает, как Нестерову нужен каждый человек! Сергей поморщился и сказал:

– Спроси у нее, это ее дело.

– А, хорошо, хорошо! А то мне сказали, что вы поссорились. Неудобно, знаешь, когда в отряде ссора. Ну, если ничего, так я откажу Суслову, да, да...

Дверь закрылась. Нестерову представилось, что Палехов стоит за этой дверью и тихонько хихикает, потирая потные руки. Сжав кулаки так, что побелели суставы, Нестеров выскочил на улицу и торопливо пошел в райком.

3

Нестеров не заметил, как оказался на берегу реки. Ледяные закраины увеличились со вчерашнего дня, но солнце опять начало пригревать и расцвечивало их всеми цветами радуги. Вода отяжелела и не плескалась в берега.

Был уже конец октября, однако зима запаздывала. Снег все время падал на теплую землю и стаивал на следующий же день, а то и через несколько часов. От этого тепла и мокрого снега кончились все дороги, болота вокруг городка развезло, вода в реке прибывала на метр в сутки. Если ждать санного пути, придется просидеть в городе еще две-три недели, а Нестерову не терпелось приняться за дело.

От пристани отходил последний пароход этой навигации. По всему берегу стояли провожающие. Пароход увозил призывников в армию.

Осенняя вода сорвала крайнюю запань¹⁶ и уносила в низовья заготовленный лес. Работницы комбината плыли на утлых лодках, вылавливая древесину. Бревна прижимали их суденышки к льдинам и берегу, слышались жалобные выкрики плотовщиц. Пароход уходил, разводя длинную волну. Призывники стояли на корме и подавали женщинам советы, как задерживать бревна. На берегу плакали провожающие.

Кто-то тронул Нестерова за локоть. Оглянулся – Саламатов. Рядом с ним с непокрытой головой – директор комбината; должно быть, он так и выбежал из кабинета, увидев аварию на запани. Саламатов сказал:

– Ты ко мне, Сергей? Хорошо. Дай только отчитать этого человека. Больше ста кубометров леса упустил! Это же целый тираж номера «Правды»! А к весне начнет говорить, что у него леса нет, потому и простаивают цехи. Нет, ты готовь сани летом...

Директор устало опустил на кучу бревен, достал большой шелковый платок и вытер пот, крупными каплями стекавший по лбу.

– Ну что ты говоришь? Что говоришь? У меня сплав срывается! Сто тысяч кубометров вмерзает в лед в верховьях. Я поставил на работу всех женщин. Но какие же они сплавщики? Ты же видел! В верховьях цинга, а пароходы все на перевозке военных грузов...

Саламатов передразнил его:

– Бабушка, дай воды напиться, а то я так голоден, что и переночевать негде.

Лицо его было каменным. Он не улыбнулся своей шутке. Директор вдруг съежился, сделался каким-то незначительным, почти незаметным. А Нестеров знал его за независимого человека – «высокотного», как говорят на Урале.

– Я думаю послать в верховья своего заместителя, – сказал директор. – Пусть на месте принимает меры.

– А потом обвинишь его в нераспорядительности? – спросил Саламатов. – Ишь какой хитрый! Нет, этот номер не пройдет – луза узкая. Если под суд, так уж тебя. – Директор поблел, и Саламатов, мельком взглянув на него, добавил скучным голосом: – Ну и меня, само собой разумеется.

– Да мы-то при чем? – не выдержал директор.

– При деле. А раз дело плохо, значит, и мы никуда не годны.

Он подумал немного, глядя с горы на реку, напоминавшую своими изгибами и притоками оголенное растение, приколотое на картон гербария. Далеко на севере по берегу реки находились редкие лесозаготовительные пункты. Сейчас людям там угрожала цинга. Красногорск считался районом северного завоза, и все завозилось для населения на целый год в несколько

¹⁶ Запань – устройство для задержки сплавного леса.

весенних рейсов и переправлялось на север мелкосидящими пароходами. Потом река мелела, и оставались только вьючные тропы по болотам и берегам.

А когда война в прошлом году завладела пароходами, район сел на голодный паек. Саламатов вызвал старых бурлаков, которые еще в прошлом столетии водили по реке баржи чугуна с маленьких доменных печей, открытых в верховьях предприимчивыми французами, и поднимали туда купеческий хлеб. Саламатов совещался с бурлаками и лоцманами два дня. На третий бурлаки со своими дочерьми, снохами и невестками вышли на реку и начали прорубать бечевник¹⁷, заросший деревьями. Лоцманы и водоливы из всех прибрежных сел вышли тоже на работу. И через пять дней тропа была готова. Саламатов собрал все мелкие суда, и старые бурлаки впряглись в лямку рядом с внуками. На плесах дежурили колхозники с лошадьми. Лямку привязывали к хомуту, и лошадь тащила баржу по ровному плесу. Моторные катера комбината стояли на перекатах и подхватывали караваны, когда люди и кони выбивались из сил.

Но так можно было снабдить только город. А верховья? Товары были завезены; однако, как выяснилось вот сейчас, те, кому надлежало позаботиться о дальнейшей их перевалке, проспали золотое время.

Саламатов смотрел на реку и думал о том, как мало осталось людей в районе. Впрочем, и до войны он был пуст, так как жители селились по берегу реки. Чуть отойди от нее – и на пятьдесят верст по округе найдется едва ли одна охотничья избушка. А поднимись на север до истоков, там можно блуждать месяцами и не услышать собачьего лая, не почуять запаха человеческого жилья.

– Ты от Луниной никаких известий не получал? – спросил он директора.

– А что тут лесничиха делает? – Директор даже руками развел. – Последняя телефонограмма от нее была с Велса на той неделе. Пригрозила, что снимет людей с Чувала, цингаде у них. Снять она может, а помочь... – Он сердито засопел и отвернулся, выражая полное презрение к лесничихе.

– Это ты оставь! – строго сказал Саламатов. – Если Лунина говорит – снять, значит, надо снять.

Нестеров молча смотрел на реку, прислушиваясь к разговору. Где-то на другом конце серой, похожей на текучую платину реки сейчас хозяйничает лесничиха Лунина. Ему захотелось встретить ее, посмотреть на знаменитую охотницу и знатока лесной жизни. Может быть, она подскажет, где искать тайные истоки Нима, до которых он так и не смог добраться перед войной. Говорят, что Лунина знает все реки и перевалы Северного Урала.

Саламатов сказал:

– Мало она тебе помогала в прошлом году? Кто новые делянки в верховьях отыскал?

– Ну и что? – сухо спросил директор.

– Нет, ты только послушай этого гражданина! – сказал Саламатов Сергею. – В прошлом году у него ни тракторов, ни машин не было – все на фронт взяли. Он тут такого Лазаря пел, что слушать было противно. А Лунина отыскала ему новые лесосеки у самой воды, – на весь год древесины хватило, и вот тебе благодарность! Он уже забыл!

– Люди не лес, их на берегу не разыщешь, – уныло сказал директор.

Саламатов задумался, уставившись на гористый северный край горизонта. Потом тихо сказал:

– Вот что, дорогой, снаряжай глассер, я сам поеду.

Директор облегченно вздохнул. Нестеров увидел, как лицо его вновь приобрело солидность и он тут же начал торговаться – такова уж человеческая натура.

– Глассер-то я снаряжу, только бензин тебе придется взять у райпотребсоюза. Сам знаешь, каково с ним теперь.

¹⁷ Бечевник – тропа, по которой идут бурлаки.

Нестеров засмеялся. Саламатов пристально посмотрел на директора и задумчиво сказал:

– А пожалуй, и верно, не стоит ехать. Поезжай уж сам! Тебе и бензин достать легче.

Директор привстал на носках, обтер платком не только лицо, но и лысеющую голову.

– Да это я только к слову. Дам, дам! И горючее дам, и масло дам.

Саламатов подозрительно посмотрел на него.

– А ты что же, и масло хотел сэкономить?

– Да ну, что ты в самом деле? Так на какой день тебе глиссер приготовить? Через три дня? А не поздно будет? Того и гляди, начнется ледостав – и глиссер погубишь, и сам накупаешься.

Он хлопотливо взглянул на часы и стал прощаться.

Саламатов поглядел ему вслед, покачал головой.

– Эх, свалил-таки на чужие плечи свою обузу!.. Головой под пулю ты, а мне медали да кресты. У меня двое таких – он да Палехов. Ну, как ты с Палеховым сговорился?

– Плохо сговорился, – сказал Нестеров.

– Что так?

– Людей не дает, делает вид, будто понимает, что я приехал сюда отдыхать, а поиски – предлог для отдыха. Обещает закрыть глаза, если я до самой весны буду лодыря гонять. Вот, кажется, и все.

– Немного, – весело сказал Саламатов. – Ну а с Варварой-то Михайловной ты договорился?

– Нет! – сердито ответил Нестеров.

– Тогда весь репертуар исчерпан. Больше ожидать нечего.

– То есть как это?

Саламатов сморщился, словно у него заболел зуб.

– Их понять нетрудно: Палехову хочется орден с земли поднять. А где тут, в лесу, ордена разыщешь? И зима суровая, и условия трудные. То ли дело нефть! Или, скажем, золото! А у нас что? Бурый железняк, который и французы в свое время бросили. Вот он и ославил мне район как пустой. Десять тысяч рапортов подано, сколько бумаги изведено, а вдруг случится чудо – Нестеров действительно найдет алмазы! Что тогда? Жалко, что он и Варвару Михайловну в эту комбинацию впутал.

– Впутал?

– Да, – сухо подтвердил Саламатов.

– Как?

– Ты же сам знаешь, она подписала мнение комиссии, что район относительно алмазов безнадежен.

Нестерову стало холодно – то ли от осеннего ветра, то ли медленно остывал душевный жар, с которым он шел сегодня к Саламатову. Внизу неслась широкая горная река, даже в это осеннее половодье сохранившая прозрачную чистоту. Медленно падал снег, тая и колеблясь над землей пеленой тумана.

– Что же ты загрустил? Эту поездку в верховья я для тебя отчасти затеял. Поднимемся к Ниму, посмотришь свои старые шурфы, решишь, когда начинать поиски. Людей Палехов и на самом деле дать не может, тут вина не его. Надо своими силами обходиться, пока первые алмазы на стол не положишь. Так что собирайся. Через три дня выедем. Рабочих можно будет взять в охотничьем колхозе на Колчиме...

– Я еще хочу с Баяндиным поговорить, – сказал Нестеров. – Лошади нужны, возчики... Как только установится санный путь, придется везти кой-какие механизмы...

– Ну что ж, правильно. Баяндин не откажет, да и на меня можешь сослаться!

Он протянул руку. Нестеров хмуро сказал:

– Нет, уж я лучше у тебя побуду. А то Палехов мне на нервы действует.

– Хорошо, хорошо, – торопливо ответил Саламатов. – Я ведь думал, тебе собираться надо.

– А, какие сборы у солдата! – махнул рукой Нестеров и пошел рядом с Саламатовым, потупив глаза в землю и не замечая испытующего взгляда секретаря.

Все еще падал снег, истаивая в воздухе, смешиваясь с каплями дождя.

Не доходя до райкома, Саламатов вдруг остановился, тронул Нестерова за руку.

– Знаешь что, Сергей, иди-ка ты сейчас к Варваре Михайловне!

– Она занята.

– Это ничего. Расскажи ей о Бушуеве, как мне рассказывал. Собери свои старые материалы по Ниму, займись, одним словом. А то мне что-то твой вид не правится.

– Кажется, он никому не нравится, – хмуро сказал Нестеров. – Даже Суслову. А когда-то друзьями были.

– Может, и еще будете, – весело сказал Саламатов. – Старая дружба – что старая обувь. В новой только в гости ходить, а вернешься – все переобуешься.

– А если в ней гвоздь пятку колет? – насмешливо спросил Нестеров.

– Зайди к сапожнику, – посоветовал Саламатов, – например, ко мне. Может, и отремонтирую.

Нестеров коротко усмехнулся и пошел к дому экспедиции. Саламатов постоял еще несколько секунд, о чем-то думая, потом быстро направился к себе, еще издали разглядев лохматого иляшевского конька, привязанного к палисаднику райкома. Должно быть, Хозяин Красных гор завернул навестить секретаря.

4

Иляшев сидел в приемной, даже не сняв тяжелого пестеря. Лузан, надетый поверх суконного зипуна, напоминал кожаный панцирь, какие носили предки Иляшева. Нож свисал с пояса, позванивали цепочки и амулеты, прикованные к ножнам.

Увидев секретаря райкома, Иляшев встал. Он прошел за Саламатовым в кабинет, снял пестерь, поставил его в угол, прислонил к стене двуствольное ружье, медленно подошел к столу и протянул Саламатову каменную, негнущуюся ладонь. Саламатов молча кивнул на стул, достал коробку папирос.

Хозяин Красных гор бережно подержал коробку на ладони, отложил ее и вынул берестяную тавлинку. Насыпал в ямку у большого пальца понюшку табаку, протянул тавлинку секретарю. Секретарь молча и так же серьезно взял табак, оба взглянули в глаза друг другу и нюхнули. Секретарь побагровел и зачихал. Иляшев только пошевелил ноздрями, втягивая зелье поглубже.

Окончив церемониал, достойный высокого гостя, Саламатов задал первый вопрос – о семье Хозяина Красных гор. Хотя он и знал, что Иляшев давно живет один, без этого вопроса нельзя переходить к делам. Иляшев ответил, что надеется увидеть чум, наполненный детьми и довольством, и задал такой же вопрос Саламатову, старому холостяку. Ему нравилось, что секретарь знает все обычаи его народа, и он с удовольствием продолжал этот приятный церемонный разговор.

Тем временем секретарша Саламатова, волнуясь, бегала из столовой в райком и обратно, торопя заведующего с чаем. На этот счет Саламатов раз и навсегда отдал строжайшее приказание: если столовая закрыта – несите самовар в райком, но чтобы был чай для угощения Иляшева и его родичей. И действительно, не успел еще Иляшев закончить полагающиеся по обычаю вопросы, как официантка принесла из столовой огромный медный чайник, две кружки, вазочку с сахаром и дневную порцию хлеба из пайка Саламатова.

– Ну, Филипп Иванович, куда ты лосиху девал? – спросил Саламатов, разливая чай.

– На тропу вывел, – усмехнувшись тому, что секретарь уже знает об этом, ответил Иляшев. – Теперь сама дойдет.

– Как же она дойдет? – усомнился Саламатов.

Иляшев прищурился и засмеялся хриплым смешком:

– Слово знаю.

– Какое же?

– Свое слово. Ты таких не знаешь. – Он посмотрел на секретаря: – Однако тебе могу сказать, ты хороший человек.

– Скажи!

– Лошадиный след солью посыпал. В каждую ископыт по щепотке. Вперед на десять шагов да подальше на десять шагов. Лосиха будет искать, где соль без карточек выдают. След запомнит, запах запомнит – сама домой придет.

– До чего же ты хитрый, Филипп Иванович!

– Не хитрый, а умный, – гордо сказал старик.

Окончив чаепитие, Иляшев достал из-за пазухи сложенную районную газету, осторожно разгладил ее заскорузлыми пальцами, положил перед секретарем и спросил, ткнув в текст:

– Ты писал?

Саламатов знал: для остяков всякая бумага с печатью обозначала, что ее автор – он. Поэтому он требовал, чтобы бумажки, направляемые из города в охотничьи колхозы, давали ему на визу. Он терпеть не мог бестолковщины, которая происходила, когда непонимающие люди пытались засылать остякам свои директивы. Но газета!.. Он пристально всмотрелся

в текст, напечатанный на верху газетного листа. Редактор заверстал в виде лозунга на три колонки несколько строк:

КРАСНОЙ АРМИИ НЕОБХОДИМ МЕТАЛЛ ДЛЯ ПОБЕДЫ НАД ЗАХВАТЧИКАМИ!
МЕТАЛЛ – ПУШКИ, СНАРЯДЫ, ТАНКИ, САМОЛЕТЫ!

ДАДИМ ГОСУДАРСТВУ И КРАСНОЙ АРМИИ КАК МОЖНО БОЛЬШЕ МЕТАЛЛА!

Все в порядке. Что тут непонятного для Иляшева? Правда, раньше остяки знали металл только в виде топоров, капканов, ружей, ножей, котлов. Но ведь теперь-то этот народ стал совсем иным: одни работают на производстве, другие ушли на войну. В прошлом году, перед призывом в армию, Саламатов послал в охотничьи колхозы инструкторов Осоавиахима, и теперь восемнадцать снайперов-остяков награждены за боевые заслуги. Недавно от командования пришло письмо с благодарностью за отлично подготовленных стрелков и разведчиков. Все это промелькнуло в его голове мгновенно, но Саламатов так и не понял, к чему клонил Иляшев.

– Ты писал? – снова спросил Иляшев.

– Я, – слукавил секретарь.

Иляшев встал, принес из угла свой пестерь, поставил его на стул и нагнулся над ним. Скуластое лицо его с редкой седой бороденкой, с черными узкими глазками было сосредоточено и важно. Длинные руки действовали медленно и очень торжественно.

Саламатов раздумывал над тем, стоило ли редактору так широко и громко вещать о металле в районе, где с тысяча девятьсот четвертого года, после того как французы обанкротились и взорвали свои маленькие домны, не было и разговоров о чугуне и железе. Он понимал, что редактор сочинил этот лозунг для того, чтобы хоть как-нибудь воздействовать на Палехова и его разведчиков. Конечно, геологи работают плохо, их не устраивает глухой, бездорожный район, где в ушах круглые сутки стоит комариный писк. Но, пожалуй, придется сказать редактору, чтобы он больше не помещал такие «шапки» в газете. Где уж говорить о металле для пушек и танков, когда не из чего поковать гвоздей и лемехов! И не стоит вводить в заблуждение простодушных лесных жителей.

А тем временем Хозяин Красных гор с важным видом выкладывал на стол какие-то инструменты. Он вынул из пестеря продолговатый молоток на деревянной рукоятке, гладкой и как бы полированной от древности, затем инструмент, похожий на пробойник, тоже на рукоятке, какие-то ножи, зубила, даже маленькую наковальню. Все это он сложил на стол секретаря, выпрямился и сказал:

– Вот!

– Что это? – изумился секретарь.

– Железо! – гордо сказал Иляшев.

– Ну и что?

– Возьми!

– Постой, постой! – Секретарь встревоженно посмотрел на Иляшева. – Зачем же мне инструменты? Они тебе самому нужны!

– Ты писал: дадим государству больше металла! – Он произнес эту фразу с особой выразительностью, как малограмотные произносят заученную книжную речь.

– Ах, чудака-человек! Да не об этом разговор! – огорченно сказал Саламатов. Про себя он подумал, что надо непременно проучить редактора, пусть пишет понятнее. – Нужно много металла. Горы. Понимаешь? – Он развел руками, показывая, сколько нужно металла, и огорчаясь, что не может найти доступного для Иляшева представления о руде и шахтах.

– Больше нет, – грустно сказал Иляшев.

– И не такой металл нужен... Нужно много чугуна, железа, нужно новые руды искать – тот камень, из которого железо делают. Понимаешь?

– Это тоже неплохое железо, – упрямо сказал Иляшев. – Им еще мой третий отец работал, и мой четвертый отец работал, и пятый отец работал. Этот молоток любое железо гнет, этот пробойник в каждом железе дыру пробивает. Вот какое это железо, а ты говоришь – плохое железо! – с обидой закончил он.

– Да не о том разговор...

– Как не о том? – Иляшев взял со стола пробойник и помахал им в воздухе. – Знаешь, какое это железо? Все мои отцы им стрелы резали, капканы гнули, пищали сверлили. Вот какое это железо, смотри!

Он вынул свой охотничий нож, положил его на край стола и легонько ударил по лезвию пробойником. Искры вырвались из стали. Он протянул нож Саламатову:

– Смотри!

Саламатов с удивлением рассматривал нож. На блестящем лезвии отпечаталась тонкая тамга, родовое клеймо остяцкого оружейника, – прямой турий рог. Он встречал это клеймо на чудских панцирях и широких двуручных мечах, на жертвенных ножах шаманов. И всегда удивлялся, как можно поставить на откаленной и отполированной стали такое тонкое клеймо.

Протянув руку, Саламатов взял пробойник. Один конец его был острым и длинным, и на нем была вырезана тамга. Другой конец был плоским и широким, по нему, в случае надобности, можно было ударять молотком. Сам инструмент этот был необычайно тяжел, ни с каким металлом нельзя было сравнить его по тяжести.

Пробойник был очень тонко отделан. Видно было, что им работали многие поколения мастеров, которые любили орудия своего труда и гордились ими. По всей рукоятке шла резьба. Затвердевшее от времени дерево, должно быть не раз проваренное в медвежьем жиру, стало совершенно черным. Олени и лайки, вырезанные с терпением и искусством, бежали по рукоятке до обушка. В том месте, где рука держала орудие, резьба стерлась от времени. Сама тамга была обрезана очень неровно, но рука мастера отполировала и ее.

Саламатов мысленно подсчитал: «Пять поколений. Три-четыре века! Музейная редкость!»

Теперь Саламатов с особым вниманием рассматривал и другие инструменты. Все они по виду были похожи на каменные, необычно тяжелые, сделаны грубо, но каждый казался отполированным. Иляшев взял один из ножей и сказал:

– Теперь таких нет. Стекло может резать.

Он протянул руку над письменным столом секретаря, опустил острие ножа на стекло и провел им наискось. Секретарь удивленно взглянул на белую царапину, выступившую на настольном стекле. Царапина была молочного цвета – значит, стекло было прорезано довольно глубоко. Саламатов тронул пальцем. Царапина явственно прощупывалась.

– Чудеса! – сказал он и, вызвав помощницу, попросил отнести один из инструментов в лабораторию экспедиции для анализа.

Девушка взяла пробойник – он был поменьше – и чуть не уронила его на настольное стекло. Охнув испуганно, она перехватила инструмент в правую руку и вышла, боязливо поглядывая на кусок непривычно тяжелого металла.

«Может, хоть это немного подтолкнет наших неудачливых рудознатцев из экспедиции!» – думал секретарь, разглядывая полированную поверхность оставшихся на столе молотков и наковаленки. Иляшев пил чай, шумно прихлебывая, чтобы показать хозяину, как он доволен угощением. А Саламатов все раздумывал о судьбе этих инструментов. Он знал чудесное ремесло полировщиков. В районе жило несколько семей, работающих по камню. Он часто заезжал к ним, любовался их ловкой работой, расспрашивал о секретах ремесла. Ему хотелось организовать артель, дать старым мастерам учеников, чтобы искусство их не умерло вместе с ними. Он видел, как при помощи пучков простого болотного хвоща мастера полировали гранит и мрамор. Неделями они протирали камень хвощом. Мастера говорили, что в хвощах есть

невидимые глазу частицы кремнезема, которые и полируют каменные изделия. Но отполировать такое твердое вещество, из которого сделаны эти инструменты, – тут никакой кремнезем не поможет, тут работало само время! И он снова с уважением посмотрел на изделия древних мастеров.

Внезапно распахнулись двери кабинета. Вбежал Палехов. Он устремился к столу, потряс руку Саламатова, помахал перед ним пробойником, словно металл обжигал ему пальцы, закричал:

– Где ты это взял, Игнатий Петрович? Это же вольфрам! Почти чистый вольфрам! Мои анализаторы прямо обмерли!

Саламатов встал, указал на спокойно сидевшего остяка.

– Сначала познакомьтесь. Хозяин Красных гор – Филипп Иванович Иляшев. А это наш главный человек по железу – Борис Львович Палехов.

– А, товарищ Иляшев! – Начальник экспедиции схватил руку остяка и радостно потряс ее. – Давно, давно хотел с вами познакомиться! Все собираюсь к вам в заповедник на охоту...

– Тебе нельзя! – сурово сказал Иляшев.

Палехов осекся, выпрямился, удивленно спросил:

– Почему же?

– Зверь шумных людей не любит! – просто объяснил Иляшев.

Палехов осторожно отошел от него, не найдясь, что ответить. Обернулся к Саламатову, несколько потише спросил:

– Откуда же это? – и снова покрутил пробойник в руке.

Саламатов молча указал на стол. Палехов схватил молоток, помахал, положил на стол, взял наковаленку, поднял на секретаря округлившиеся от изумления глаза и закричал:

– Чудеса! Это все сделано из вольфрама! Как они могли сделать такую плавку, эти древние рудознаты? И где они взяли этот металл? Ты понимаешь, Игнатий Петрович, что это такое? Нет, не понимаешь! Да если бы эту руду найти, знаешь, что было бы? Шум на весь мир! Ордена! А мы сидим на какой-то паршивой железячке, которую и господа французы бросили! Нет, ты нам дай вот это! – Он потряс пробойником и прижал его к сердцу, будто боясь расстаться с ним. – Ты знаешь, что у тебя тогда будет? У тебя завтра же будут рудники, обогатительные фабрики, заводы, сто тысяч рабочих, снабжение по литере «А», и сами золотоскупщики станут к тебе за пайком бегать! Где он? Я спрашиваю: где он лежит, этот волшебный вольфрам? Ну? Говори же скорее, а то я умру от разрыва сердца!

Саламатов задумчиво потрогал виски и потер глаза под очками.

– Вот оно что-о! – протянул он. – Я так и подумал. Если это не метеорит, то что же это такое?

– Да ты говори, не томи душу! Где находится это месторождение? Где лежит руда, я тебя спрашиваю!

– Это ты у него спроси, – сказал Саламатов, кивнув на Иляшева.

Палехов мгновенно притих.

– Больше нету, – с сожалением сказал Иляшев.

Он внимательно смотрел на начальство. Коротконогий и шумливый второй начальник ему не нравился. Но он находился в гостях и не мог сказать, чтобы второй начальник ушел. А шумливый человек подсел к нему, потрепал по колену, умильно взглянул в глаза и заговорил:

– Товарищ Иляшев, ведь эти инструменты не с неба свалились?

– Зачем с неба, – солидно поддержал разговор Иляшев. – Мой третий отец, и мой четвертый отец, и мой пятый отец ими работали. Зачем с неба?

– Ведь они где-то добыли для них руду? Вы только укажите мне место. Я вам, знаете, что подарю? Я вам лошадь подарю, – вам по Красным горам много ездить приходится.

– Лошадь у меня есть, – равнодушно кивнул Иляшев на окно.

– Мы вам дом в городе подарим.

– Зачем дом? – удивился Иляшев. – У меня три чума есть. Жену найду – на свадьбу приглашу. Из города далеко в Красные горы ездить. Нельзя мне в город.

Саламатов выразительно подмигнул Палехову на дверь. Палехов встал, с огорчением посмотрел на остяка и вышел. За дверью он нагнулся к скважине замка, мasha рукой на него-дующую секретаршу.

Саламатов сказал:

– Ты на него не обижайся. Ветер тоже шумит, однако комаров отгоняет.

Палехов выпрямился с оскорбленным видом, но не удержался и снова прильнул к двери.

– Шумный человек – пустой человек, – сказал Иляшев. – Ветром надуется – большой кажется, ветер выйдет – запах плохой.

Палехов отскочил от двери и со скучающим видом присел к столу секретарши, ожидая, когда выйдет Иляшев. Уйти он не мог. Он ясно видел это богом посланное вольфрамовое месторождение! Оно где-то недалеко, оно не может исчезнуть из жизни Палехова, как исчезали все мечты о стихийных открытиях, о славе, о наградах. Он готов был силой вырвать у остяка признание. Что это в самом деле? Вместо откровенного разговора остяк отвечает оскорблениями, а Саламатов даже посмеивается. Палехов так разозлился, что уже не мог сколько-нибудь спокойно прислушиваться к голосам, которые все громче звучали за дверью.

Иляшев вышел из кабинета, поклонился секретарше и, словно не замечая Палехова, тихо закрыл за собой дверь. Начальник разведки увидел в окно, как он сел на лохматого конька.

Сгорая от любопытства, Палехов ворвался в кабинет. Саламатов сидел за столом, что-то записывая в толстую тетрадку. Он поднял голову:

– А, ты еще не ушел? Очень хорошо... – и продолжал писать.

Инструментов на столе не было. Палехов окинул взглядом комнату. Не было их и в витринах. Там по-прежнему лежали образцы всех богатств края – начиная от кварца с золотыми вкраплениями и кончая комками глины, из которой местные горшечники лепили размокавшие от воды посуды. Было все, что добывали в районе или хотели добывать. Но инструментов не было.

– Где же инструменты? – испуганно спросил Палехов.

– Я вернул их Иляшеву. – Саламатов прочел на лице Палехова мгновенно сменявшие друг друга разочарование, злобу, гнев. Палехову стало трудно дышать. – Неудобно все-таки родовые инструменты отбирать. А ты не волнуйся, ты поглубже в землю смотри. Геолог должен не на семь сажен вглубь видеть, а метров на тысячу. Твое от тебя не уйдет.

Он словно раскрывал самые потаенные его мысли, словно видел не только написанное на лице, но и хранимое в душе. Палехов побледнел и молча стоял перед ним, не имея сил уйти. А Саламатов продолжал, уже не отрывая глаза от лица Палехова:

– Кстати, что там у вас в экспедиции делается? Перешли на зимние квартиры? А между прочим, довольно рано. Ссоры какие-то, романы, докладные, а тут мне телеграмму за телеграммой шлют из Москвы, полюбуйся! – Он протянул Палехову синий бланк. – Генерал Бушуев справляется, когда Нестеров начнет поиск.

– Господи, да ведь это не от меня зависит! Нестеров же все-таки больной человек...

– Ну, это как раз не твое дело, – сурово перебил его Саламатов.

– Да я ничего не говорю. Вот людей у нас нет.

– Людей он найдет. А теперь мне некогда, ты извини, что не задерживаю. Да, вот что, пришли ко мне Суслова. Мне хочется дать ему одно поручение.

– Суслов занят.

– Ничего, ничего, его работу и другие сделают. Ты пошли.

Голос у Саламатова стал жестким, и Палехов медленно отступил к двери.

Глава пятая

*Металлы и минералы сами на двор не придут;
требуют глаз и рук к своему пришку...*

М. Ломоносов

1

Совещание назначено на восемь часов.

Вари все еще нет, хотя на улице стемнело. Желтый свет фонарей, приглушенный туманом, похож на приплюснутые капли растопленного масла, плавающие в мутной жидкости. Двери и окна магазина напротив дома экспедиции еще освещены, и там слышится торопливый, поспешный шум, как всегда перед закрытием.

Сергей зашел в коллекторскую.

Девушки бережно упаковывали собранные за лето пробы. Они заворачивали образцы и куски керна из буровых скважин в мягкую бумагу и укладывали в ящики. Нестеров присел у стола с пробами и начал рассматривать образцы. Больше всего ему хотелось, чтобы девушки заговорили о Варе, но они перебрасывались между собой незначительными фразами, а о главном, о том, что так занимало Нестерова, молчали. Ему пришлось спрашивать самому, но девушки отвечали неохотно:

– Да, у Вари много работы... Наверно, уехала на разведочный участок... Суслов просил ее проверить буровые...

Он почувствовал унижительную боязнь, что вот сейчас услышит еще что-нибудь, совсем сближающее Варю с Сусловым, и прекратил свои расспросы, искоса поглядывая на девушек.

Они ни в чем не были похожи. Даша Цузой, белорусская девушка с вихрастыми волосами цвета соломы, с твердым, сильным, не очень красивым лицом, простоватая и в обращении и в разговоре, и Юля, державшаяся высокомерно и независимо, кокетничавшая и своей профессией, и своей миловидностью. Что их свело за этим столом? Из того разговора, который он подслушал в первый день приезда, можно было понять, что Дашу привлек к работе Лукомцев, старатель, бродяга и зимогор, опытный разведчик по золоту, который пришел в экспедицию еще при Нестерове, чтобы стать проводником. А может быть, верно и то, что сказала сама Даша? Насмотревшись на смерть, она боялась убивать даже деревья? С нею, наверно, будет легко, она многое испытала в жизни. Ну, а Юля Певцова? Кто послал Юлю в этот медвежий угол? Можно ли рассчитывать на нее?

Юля заметила его испытующий взгляд и сказала:

– Вы так расстраиваетесь из-за этих алмазов, Сергей Николаевич, что мне хочется сделаться алхимиком вроде Муассона и создать их искусственным путем.

– Россия – единственная страна, Юленька, в которой не делают искусственных алмазов и не любят подделок.

– А знаете, я видела поддельные брильянты – стразы, они очень похожи на настоящие. Как же вы отличите поддельное от настоящего и стразы от подлинных брильянтов?

– Ну, это не так уж трудно. И то и другое испытывается на твердость.

– Но при таком испытании стразы будут испорчены, а они ведь тоже по-своему красивы, – засмеялась она.

Даша молчала, может быть, не очень понимая спрятанный за мудреными словами смысл. Нестеров с неудовольствием подумал, что разговор этот Певцова начала неспроста.

– А у вас самой хватит твердости, чтобы довести нашу работу до конца? – спросил он.

– У меня? Я, признаться, об этом не думала.

– А вы подумайте.

– Честно говоря, мне ужасно хочется в Москву! – вдруг сказала она проникновенным голосом, словно сознавалась в грехе. – И когда вы появились в экспедиции, я чуть не возненавидела вас. Даже наверняка возненавидела бы, если бы вы были счастливым человеком. Но... твердости у вас много, а вот счастья недостает. Так что я не знаю, как я поступлю...

– Что ты говоришь, Юлька! – испуганным шепотом сказала Даша.

Юля засмеялась.

– А ты не слушай наши разговоры, ты еще маленькая! – И снова повернулась к Сергею: – Я, честно говоря, увлеклась экзотикой. Начиталась романов. Ах, золото!.. Ах, геология – увлекательная и романтическая профессия! Знаете, кто во всем виноват? Джек Лондон! А теперь объясните мне: где же здесь романтика? Летом комары, зимой стужа. Ужасные ватные спецухи; я в этих штанах и в куртке больше похожа на медведя, чем на девушку. А руки во что превратились от камня? А лицо? А ведь меня считали хорошенькой...

«Нет, она не останется!» – подумал Нестеров.

– Сейчас в Москве еще день. Папа приехал из госпиталя обедать. Мама разливает суп и вздыхает обо мне. А я сижу среди камней в ватнике, и мне некогда в зеркало посмотреться! А Москва живет! Говорят, перед университетом упала бомба, правда?

– Университет цел, – сказал Нестеров.

– Мне бы учиться надо, у нас в роду все врачи: папа, мама, бабушка, – а я ушла со школьной скамьи в геологическую экспедицию. Я же неуч! Кончила какие-то краткосрочные курсы уже во время войны. Ну какой я геолог?

– А вы, Даша? – спросил Сергей.

– А мне некуда идти... – ответила девушка. – Родные погибли, профессии у меня нет, на войну меня не берут. А это все-таки дело военное...

– Ну вот вы и договорились, – насмешливо сказала Юля. – Видите, как легко сговариваться вам, твердокаменным... – Взглянула на его изменившееся лицо и поправилась: – Вы не обижайтесь, Сергей Николаевич, я все шучу...

– Вы ищете романтику, а надо искать минералы, – сказал Нестеров. – Еще Ломоносов писал, что они сами на двор не придут, что нужны глаза и руки для их поиска...

– Не такая уж я легкомысленная, – заторопилась Юля. – Я понимаю всю важность... – Но прозвучало это жалко и неубедительно.

Сергей с болезненным чувством разочарования подумал, что это же самое может сказать и Варя. Даже упрямство в голосе показалось ему знакомым. Он опустил голову и задумался, машинально перебирая образцы, не различая, что под его пальцами, – пегматиты или гнейсы, не видя ни обозначений на ярлыках, ни раскраски этих столбиков, добытых из земных глубин при помощи буровой трубы. Он был занят более сложной проблемой – разведкой души.

Юля и Даша молчали, боясь нарушить его размышления. Они, наверно, думали, что он занят важными соображениями о будущем, тогда как на самом-то деле товарищ начальник просто-напросто боялся... Как иначе назовешь это неверие в помощников и друзей? Нестеров поднял голову, собираясь сказать что-нибудь веселое, чтобы подразнить Юлю, но внизу послышались голоса, и девушки торопливо выбежали из коллекторской. Нестеров проводил их взглядом. Даша в своей спецовке действительно походила на медвежонка. И он снова подумал: «Эта выдержит!»

2

Собирались приглашенные на производственное совещание.

Нестеров с удивлением оглядел столовую, превращенную в зал заседаний. Палехов стоял у стола, накрытого красным сукном, и дружелюбной улыбкой как бы приглашал Нестерова подойти поближе. Он полуобнял Сергея и остался в такой позе, стараясь показать всем, что между руководителями экспедиции полный мир.

Нестеров снова пересчитал собравшихся. Шестеро девушек-коллекторов, держащихся отдельной стайкой, восемь забойщиков. Ни Уварова с его нефтяниками, ни Суслова с его рудознатцами. Даже Вари нет.

Он освободился из-под руки Палехова и спросил:

– А где же геофизики?

– Фью! – свистнул Палехов. – Хватился! Я, брат, их еще в прошлом году отпустил. Прямо на фронт. Вместе с самолетами. Не думаешь ли ты, что нам все позволительно? Держать самолеты в тылу, где они все равно ничего не нащупали... – Он запнулся, и Нестеров с усмешкой договорил за него:

– Искать алмазы, которых нет... Ну а радисты? – уже злясь, спросил он.

– Остался один аппарат на головной базе, здесь. Остальные тоже отправлены. Мы же свернули работы, а в других экспедициях радиоаппаратура нужнее, – спокойно ответил Палехов.

– Ну и ну! – не выдержал Нестеров. – Значит, расторговались!

– Фу, какие слова ты подбираешь! – недовольно поморщился Палехов. – Пойми, пожалуйста, что мы закончили наши работы! Ясно? И если бы не этот по меньшей мере странный приказ, мы бы завтра снялись отсюда... Надо было раньше приезжать! – уже без всякого показного дружелюбия добавил он.

Да, теперь Нестеров и сам понимал, что приехать надо было раньше. Однако как же он будет убеждать этих людей? Ведь они, в сущности, уже демобилизовались! Каждый из них приготовился к новому делу; они сидят на чемоданах и ждут гудка парохода. Нелегко будет уговорить их...

– А где нефтяники Уварова? – продолжал он приставать к Палехову. – Где поисковики Суслова?

– Ну, уж этих-то я прошу не трогать! – с неудовольствием возразил Палехов. – Выйдет ли у тебя что-нибудь с алмазами, я не знаю, а они все-таки при деле.

Нестеров проглотил это оскорбительное замечание.

Но вот дверь перестала хлопать, – видно, пришли все, кого вызвал Палехов. Однако среди пришедших не было даже Лукомцева – проводника отряда, на помощь которого крепко надеялся Нестеров. Неужели и этого отпустили? Нестеров взглянул на Палехова, принявшего неприступно-начальственный вид, спросил:

– Андрея тоже уволили?

– Поссорился с Меньшиковой и отстал где-то на полдороге, – нехотя ответил Палехов. – Должно быть, охотится за «блесной», хищничает по золотишку, с него это станется!

– Что-то у вас слишком много ссор! – проворчал Нестеров.

– Миротворчеством не занимаюсь! – отрезал Палехов. И без того толстое лицо его надулось от обиды и гордости. Он прошел к столу и постучал карандашом о графин.

В это время дверь открылась снова, и в зал вошли мастер Евлахов, сухонький, остролицый пожилой человек, и великан Головлев, тоже мастер бурения и одновременно парторг экспедиции. Нестеров отметил, что даже и с Головлевым у Палехова нет мира: совещание-то он решил начинать, не ожидая парторга. Головлев, скрипя высокими охотничьими сапогами,

привязанными ремнями к поясу, пробрался вперед и схватил обе руки Нестерова в свои горячие массивные ладони. Евлахов издали закивал Нестерову. Был Евлахов тих и мягок; если, конечно, дело не касалось его мастерства, вперед никогда не вылезал. Появление их ободрило Нестерова.

Немного спустя появились Суслов и Варя. Вошли они не глядя друг на друга. «Видно, тоже поссорились», – с усмешкой подумал Нестеров. Варя прошла вперед, к девушкам, Суслов остался у двери, как будто ему не было никакого дела до того, о чем будут говорить на совещании. Нестеров невольно подумал, что все эти полтора года Суслов и Варя были рядом. Не мудрено, если в глазах Суслова зажегся тот огонек, который недавно заметил Сергей... Плохо, очень плохо!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.